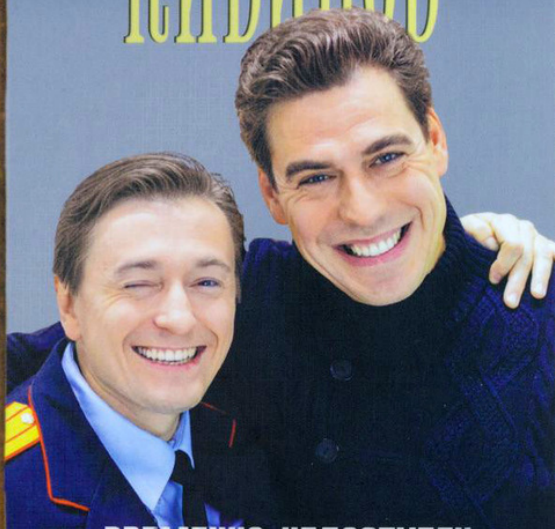

Андрей КИВИНОВ

ВРЕМЕННО НЕДОСТУПЕН
**ПЕРЕМЕНА
МЕСТ**

Андрей Владимирович Кивинов

Перемена мест

Серия «Временно недоступен», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Перемена мест: 2015

Аннотация

Мелкий чиновник из Москвы и следователь Следственного комитета по Калининграду не являются образцами честности. Первый проворачивает аферы в судебных коридорах, второй не прочь подработать контрабандой бриллиантов. По воле судьбы им приходится поменяться местами, и жизнь не только их, но и целого города становится с ног на голову.

Содержание

Временно недоступен. Перемена мест

4

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Андрей Кивинов

Временно недоступен. Перемена мест

*Повесть не содержит нецензурной лексики,
за что автор приносит читателю глубокие
извинения*

Теплым летом холодного 14 года в тихий, забытый Гуглом городок Великозельск пришла большая беда. Пришла она не в городок вообще, а к конкретным жителям, отвечающим за процветание и жизнеобеспечение в частности. А еще конкретней – в кабинет мэра Виталия Ивановича Марусова, человека глубоко верующего в собственную незаменимость и носящего нательный крест. Беда тоже носила конкретную фамилию. Причем мужского рода. Белов Сергей Викторович. Представитель контрольно-ревизионного управления. Из самой Москвы, Гуглом не забытой. Креста на нем не было. В настоящую минуту беда сидела напротив Виталия Ивановича и пристально разглядывала градоначальника, словно экзотическую бабочку, которой она не прочь была бы пополнить свою коллекцию.

– Я обязательно с этим разберусь, – Мару сов легким движением носового платка промокал предательскую испарину

и с бульдожьей преданностью заглядывал в глаза ревизору, — не отрицаю, здесь есть и моя вина... Но и вы должны меня понять — за всем уследить невозможно.

Перед мэром, как макивара перед боксером, маячил извечный философский вопрос — дать или не дать? Предложить или не предлагать? Мутный тип этот ревизор, хоть и с чистой фамилией — Белов. Знать бы, чей холоп.

Виталий Иванович давно усвоил, что контролеры не берутся из ниоткуда и не прилетают по зову совести и стуку пламенного сердца. По стуку, но по другому. Про повод он догадывался — статья в местной оппозиционной газетенке, перекочевавшая в Интернет. Но статейки, как правило, тоже пишутся не по зову, а по хорошо или плохо проплаченному заказу.

— Виталий Иванович, речь не о ремонте дорог.

Беда постучала крючковатым пальцем по красной папке с потертым псевдозолотым тиснением, от чего иконка, стоявшая на столе мэра, упала святым ликом вниз.

— И не о замене труб. Речь о закупке лекарств для льготников. Для тяжелобольных людей. Понимаете разницу? Дороги у вас, кстати, тоже не идеал.

Что он несет? При чем здесь дороги? Прямо комиссар Каттани. Больной на всю голову.

— Видите ли, Сергей Викторович... Третий год из федерального бюджета ни копейки! На какие ремонтировать?

Марусов поднял иконку и развел в стороны руки, слов-

но рыбак, показывающий размеры улова. То ли обрисовал масштаб проблемы, то ли намекнул на величину возможного вознаграждения.

Белов равнодушно проводил руки взглядом. Он на своем месте тоже не первый год – и не такие пантомимы видел.

– Я передам материалы в Следственный комитет, – с интонацией робота пригрозил он и, внимательно приглядевшись к рукаву пиджака, поскреб ногтем прилипшую соринку.

О-о! А Марусов еще собирался ему охоту предложить. И баньку. По высшему разряду. Ужин в ресторане заказал. Надо отмашку дать, чтоб не суетились. В гостиничном буфете поужинает, раз такой борзый.

– Что ж... Ваше право...

Тоже мне, напугал ежа... Это в Москве у вас миллионы народа. Суета и неразбериха. А у нас каждый сверчок на своем месте. И дело знает. Круговорот бумаг в природе. Из этого кабинета выйдут, сюда и вернуться.

– И не в ваше местное отделение, а к нам – в Москву. Они бригаду пришлют, вот и разбирайтесь с ней.

Марусов помрачнел. Даже лоб вытереть забыл. Оставленная без внимания капля пота медленно поползла от виска к побагровевшей шее.

А вот это уже неприятно. Что ему надо-то? Как узнать, хоть намекнул бы... И деньги просто так не предложишь. А может, кто-то команду «Фас!» дал? Марусов принялся перебирать в уме тех, кому в последнее время перекрыл кис-

лород. Все они для Московского Следственного комитета – мелкая рыбешка. А если наезд в рамках борьбы с коррупцией? Хотя сколько этих рамок на его памяти было... И ничего! Ибо нет у него в городе коррупции! Есть маленькие недоразумения рабочего порядка. Как и везде.

Или все же дать? На месте решить всегда вернее, чем потом связи подключать.

– Сергей Викторович, напрасно вы так... Не по-человечески это...

Как бы ему дать понять, что Марусов по-человечески решать готов? Борьба с недоразумениями – дело важное, спору нет, но почему именно в Великозельске нужно бороться? Пусть только цифру обрисует в общих чертах. А то как бы не обидеть ненароком.

Белов не стал ничего обрисовывать, неприязненно зыркнул из-под насупленных бровей, встал и направился к дверям.

– Вы еще скажите, не по понятиям... Всего доброго.

Марусов нервно дернулся в кресле. Хотел подняться, чтобы проводить, но ноги стали ватными. Кресло повернулось вполоборота, и Виталий Иванович поймал глазами суровый президентский взгляд с портрета.

«Где посадки?» – прочитал он немой вопрос главы государства.

Городничий хоть и имел два высших образования, но в приметы веровал. И тогда, на новогоднем корпоративе,

вытянув из вазы бумажку с предсказаниями, приуныл. Не то что дружно заржавший коллектив. В бумажке какой-то умник написал не традиционные «здоровье, богатство, удача», а прозаическое «ревизия». Типа пошутил, идиот. Он бы еще «рак легких» предложил. Или «гангрену». И вот, пожалуйста – сбылось. И как тут не верить?

Ну уж нет, не дождетесь. Марусов замотал головой, словно стяхивая наваждение. Машинально извлек из кармана телефон. Принялся лихорадочно, сбиваясь, тыкать пальцем в экран. Черт бы побрал эти новомодные смартфоны! О кей, жопа!

– Ген... Здравенько... Виталий... – максимально ослабленным тоном начал Марусов, когда наконец-то смог безошибочно набрать номер, – не отвлекаю? Как спина?

В ответ послышалось невнятное «нормально».

– Ну слава Богу... Слушай, Ген, тут к нам ревизоры нагрянули. Сумасшедшие. Ваши, московские... Нашли ерунду какую-то по лекарствам, должны вам передать. Совсем некстати. Бригаду обещали прислать...

Гена – родственник хоть и дальний, но нужный. Особенно, когда под тобой кресло мэра. Да и Марусов кое в чем смог ему быть полезен. Так что с Гены должок...

Столичный должник – Геннадий Петрович Лузан – тоже восседал в личном кабинете – попросторней марусовского, да и обставленный подобротней. Погоны с тремя звездочками – это серьезно и дорого. Одной рукой настоящий полков-

ник держал трубку, другой листал принесенное заместителем уголовное дело. Пробегал через строчку – ничего нового, очередной слуга народа получил очередной откат и вместо дороги для всех построил дорогу для себя. К родовому замку. Теперь перед настоящим полковником маячила проблема – прекратить дело по реабилитирующим основаниям. Аванс за решение был уже получен, остальное обещано после.

«Господи! Как скучно в провинции! – размышляя над проблемой, Лузан вполуха внимал великозельскому мэру. – Им бы наши, московские дела!»

– Ты бы не мог там проконтролировать? – Улыбчивый голос Мару сова мешал полковнику углубиться в документы. – Чтобы нормальные люди приехали? Мы их здесь встретим, уважим...

– Что, серьезные материалы? – Тусклые интонации полковника надежды не вселяли.

Марусов хоть и – родственник, но не брат родный. А подставляться никому не охота.

Виталий Иванович это обстоятельство тоже учитывал, и его интонации зазвучали на грани фола:

– Да не, но сам же знаешь, время какое. За любую хрень ногой по импичменту... Темнит родственничек, темнит. Небось отщипнул из местной казны лакомый кусочек, да увлекся – бумажками вовремя не прикрылся, теперь концы с концами не сходятся.

– Ладно, – снисходительно буркнул Лузан, – я прикину, перезвоню...

Прикинет! Марусов в душе матерно возмутился. Когда Гене надо было, он не прикидывал – он помогал.

– Уж постарайся... – и на прощание намекнул про должок: – Лиде привет огромный.

Лузан положил телефон на обитый зеленым сукном стол и пригорюнился.

И кого туда послать, в Великозельск? Человека надо понимающего, своего, а все свои заняты. Разлетелись «понимать» по другим городам и весям. Эх, до чего страну довели! Понимающих не напасешься.

Но и отказать нельзя. Жена Лида всю плешь потом проест. Ее сестру в Великозельске на хлебное место именно Марусов пристроил. Неудобно. Не почеловечески.

Утомленный взгляд скользнул по янтарному мишке, сжимающему в объятиях стаканчик для карандашей. Презент коллеги из Калининграда. На повышение квалификации в прошлом году приезжал. Подарок напоминал о совместных приключениях... Ничто так не сближает двух нормальных мужиков, как охота.

На ловца и зверь! Чем тебе, Гена, не свой человек? Парень толковый – склонный к правильному, так сказать, решению вопросов. Лузан это сразу понял, едва познакомились.

Право имею? Имею. Подпишу приказ о командировке, начальству его, если понадобится, важность задачи растолкую.

Страна по уши в мздоимцах, своими силами уже не управляемся.

Хорошая мысль! Выдохнув с облегчением, Геннадий Петров вернулся к реабилитации хозяина родового гнезда.

* * *

Утро в порту пяти морей выдалось необыкновенным. Многообещающим. Перспективным. Несмотря на лениво плюющий в окно дождь.

Во всяком случае, именно так казалось Вячеславу Андреевичу Золотову. Он даже проснулся сам. Глянул на экран шестого айфона, выключил будильник. Бросил рядом с собой на кровати и сладко потянулся. Эх, хорошо! Даже – отлично!

Причина позитива покоилась справа и едва слышно похрапывала, приоткрыв маленький ротик, словно бесхвостая русалочка, выброшенная на брег.

Вчера русалочка наконец-то согласилась посетить его холостяцкую двухуровневую обитель, более того – осталась до утра. Не уехала среди ночи, сославшись на проблемы. И конечно, дело не в отсутствии у нее собственной жилищной пещерки.

Он скосил глаза на обнаженное татуированное плечико, соблазнительно торчавшее из-под одеяла. Жанну Вячеслав Андреевич покорял долго и тяжело, словно Эверест. Одни

цветы-конфеты-рестораны обошлись дороже, чем в бюджете некоторых российских городов отпущено на спорт и культуру. Золотову ли не знать?

Русалочка чмокнула во сне и перевернулась на другой бок. Вячеслав Андреевич осторожно сполз с кровати. Вышло абсолютно неэффектно – не так, ох не так поднимаются утром с ложа любви супермены. Ну не Бонд и что? Зато подружка у него не хуже. Не стыдно людям показать. Оберегая сон красавицы, Золотов собрал в охапку одежду и вместе с кулем дизайнерского тряпья по-партизански прокрался из спальни.

В ванной достал из шкафчика новую зубную щетку, розовую. Распечатал и поставил в стаканчик, где одиноко жила его синяя. Розовая была не дежурной, а заботливо купленной в зубном бутике еще на заре их отношений. В надежде на то, что когда-то будет использована по назначению. Как и тапочки с розовыми помпонами. Не мог же Золотов предложить Жанне свои банные шлепанцы.

Да, надо будет сегодня заехать в ювелирный и купить ей что-нибудь. Так сказать, в честь первой совместно проведенной ночевки. Что-нибудь эдакое. С натуральными камнями. Такое, чтобы ей наверняка понравилось, – а это нелегко. Нелегко и накладно.

На кухне влюбленный ковырнул вилкой в сковородке трепетно приготовленный омлет, попробовал. Вздохнул. Он, разумеется, подозревал, что красивые женщины – удо-

вольствие не из дешевых, но Жанна била все олимпийские рекорды. Отказать ей кавалер не решался, подозревал, что ускользнет к другому. Сама же мысль о том, чтобы отпустить ее, Золотова угнетала, словно кредит, взятый под залог почки. При думках о ней у Золотова поднималась самооценка, просыпались гордость и чувство собственного достоинства. Не зря, ой не зря он столько сил и средств инвестировал в ухаживания. Примерно то же он испытывал когда-то, купив свою первую, пускай и подержанную «тойоту».

Придется, видно, опять на предложение друга детства Овалова соглашаться. Хотя в большинстве случаев предложения Макса шли вразрез с моральным кодексом строителя капитализма.

Да, нелегко достается трудовая чиновничья копейка! Особенно во время кризисной бюджетной экономии и не менее повального контроля. Как прикажете жить без «предложений»? Но «предложения» «предложениям» рознь. Никаких откровенных намеков! Только предложение «оказать помощь». И то после вопроса «И что же делать?». Чтобы никаких претензий. Все исключительно на добровольной основе.

Сценарий не то чтобы слишком оригинальный, зато проверенный. Сказка для взрослых. Золотов – Дед Мороз, Макс – внучка Снегурочка. Клиенты – детишки, но не все подряд, а склонные к решению вопросов.

– Новости не очень, судья настроен атипично... Боюсь, без оборотных средств не обойтись, – заученно, но эмоцио-

нально ведет свою линию перед клиентом «внученька» Овалов, – я сразу предупреждал... У нас слабоватые позиции.

– Погодите, погодите... Почему слабые позиции? Все бумаги в порядке, – пытается возмутиться клиент, – закон на нашей стороне.

– Закон, может, и на нашей, а судья, похоже, на той...

– И ЧТО ДЕЛАТЬ?

– Подстраховаться.

– И каким, интересно, образом? – настаивается клиент. – Это, на минуточку, статья...

– Разумеется... Если поймают, – Овалов-Снегурочка роль свою выучил железно, от зубов отскакивает, – а если к судье пойдете вы или я, то точно поймают. Поэтому пойти должен кто-то другой... Тот, кому судья доверяет. У вас такого нет? И у меня... Но! В районной администрации трудится неплохой специалист по правовым вопросам, он вхож в судейский корпус. Золотов Вячеслав Андреевич. Можно попробовать через него, я как-то с ним пересекался. По подобным вопросам. Хотите, позвоню?

Я слышу шаги Деда Мороза! А вы, ребята, слышите?

– Не волнуйтесь, говорят, он крайне порядочный человек. В случае проигрыша все до копейки вернет. Так что вы ничего не теряете.

– А что, даже с деньгами можно проиграть?

Бестолковые дети в костюмах зайчиков шевелят картонными ушами.

– Как вы думаете, почему у богини правосудия весы? Потому что закон – рынок, а не только книжки со статьями. Давайте, дети, вместе позовем Дедушку Мороза!

– Хорошо. Звоните.

Все! Выход Деда Мороза! Елочка зажгись! На сцене появляется Золотов весь в белом. А правильной бы в красной шубе и с мешком. Для денег.

Между прочим, все честно. Если судья, который в Деда Мороза не верит, не по делу справедлив окажется и не тот вердикт вынесет, то Золотов с Оваловым готовы материальные средства вернуть. А только не было такого до сих пор. Макс, конечно, адвокат хреновый, но исход дела просчитать способен, особенно когда с доказательствами у клиента полный «Ordnung».

Моральная сторона вопроса? Невозможно разрушить мораль там, где ее нет. Покажите того, кто не лукавит... И потом – сумел наворовать на особняк, на судью тем более найдешь.

Нет, нельзя сказать, что Вячеслав Андреевич брал деньги и не краснел. Краснел. То ухо покраснеет, то нос. Все-таки моральные принципы семья и школа в него заложила. И всегда после очередной успешной комбинации он не спал пару ночей. Не потому, что ждал людей с удостоверениями. Искал оправдания. Один раз не нашел – и деньги вернул. Мамаше-одиночке, отдавшей последнюю копейку за сына-оболтуса, пойманного с дозой травки.

Золотов ножом аккуратно вырезал из омлета желтое сердце и, осторожно подцепив лопаткой, уложил на тарелку. Обрезки умял сам – прямо со сковороды. Налил в высокий стакан свежавыжатого из апельсинов сока. Сервировал на подносе завтрак в желтых тонах, любуясь своим произведением. Эффектный выход с подносом сорвал айфон, брошенный на кровати. В последнее время Вячеслав Андреевич всегда вздрагивал от входящих вызовов, словно приговоренный к расстрелу от команды «Товсь». Может, рингтон сменить? Хотя, кажется, не в рингтоне дело... Предчувствие чего-то крайне негативного. Омлетное сердце угрожающе съехало на край тарелки. Экран выдал знакомое слово – «Овалов». Помянешь черта и вот он...

Русалочка Жанна недовольно пробормотала во сне случайный набор слов и зашевелилась. Золотов занервничал. Вроде бы что такого? Она ведь все равно когда-то проснется. Но Вячеслав Андреевич реально опасался, что, проснувшись, оденется, уйдет и сказка исчезнет. А еще хуже – соорудит недовольную гримаску и покинет его насовсем, бросив дебильное «Пока-пока»... Несмотря на внешнее благополучие, при общении с женщинами Золотов суперменом себя не ощущал. Природа не одарила его выдающимся ростом, косой саженью в плечах, да и брутальности не отмерила. Не Безруков, в общем.

В школе ему всегда нравились самые красивые девчонки. Но они были недостижимы. Щуплый ботаник мог при-

влечь внимание, только совершив нечто неординарное. Иногда представлял себе, как загорится школа, а он спасет своих одноклассников, по очереди вытягивая из задымленного здания, после чего сразу станет авторитетом и прославится в веках. Но школа, к счастью, не загорелась, а поджечь самому – кишка тонка. И физкультуру терпеть не мог. Любуясь девчонками издали, мечтал, что во взрослой жизни у него тоже будет красивая подружка. И вот дождался.

Занятые подносом руки лишали всякой возможности импровизировать. А престижный гаджет не собирался умолкать. Вячеслав Андреевич ничего лучше не придумал, как накрыть телефон задом. Айфон согнулся и притих.

Жанна во сне почесала акриловым ногтем силиконовую губу и затихла. Заткнулся и Овалов. А кулинар все сидел с подносом в руках, боясь пошевелиться... Это только в кино красиво: завтрак в постель, то да се, плотоядные улыбки... А в жизни одни сплошные сложности. Вдруг ей ночью не понравилось? Вдруг омлет не любит? Может быть, лучше было тосты сделать? А кофе или чай?

Золотов осторожно пристроил поднос на тумбочку, тихо достал из шкафа любимый костюм с клетчатой рубашкой и на цыпочках вернулся на кухню, дабы не спугнуть русалочку.

Одевшись, возвратился, постоял в задумчивости над кроватью, словно рыбак у пустой сети. Хотел поцеловать в плечико, но так и не решился. Прокрался в прихожую, осторож-

но закрыл за собой пуленепробиваемую дверь. И вообще — непробиваемую.

* * *

— Плетнев!!!

Низкий бархатный тембр меццо-сопрано, когда-то покори́вший его настолько, что он пожертвовал ради него своей свободой, пусть относительной, теперь звучал как вопли европейской Бабы-яги, учуявшей в частном лесу русский дух.

Плетневу совершенно не хотелось просыпаться. Что там, в реальном мире, хорошего? Да ни хрена! Ревнивые претензии, обвинения в прелюбодеянии и неспособности прокормить семью одновременно. Дорога на службу в вонючей маршрутке, управляемой нелегальным человеком из Азии. Скудный рабочий день в опостылевшем кабинете, бумаги, бумаги, бумаги...

Хотелось лежать под одеялом в позе эмбриона, поджав колени. Остаться одному. Надолго остаться. Может, навсегда. Или улететь. Туда, где нет ни Бабы-яги, ни красавицы жены с ее навязчивым меццо.

— Завтрак сам сделаешь. Я опаздываю. Хлопья в столе, яйца в холодильнике.

Плетнев осторожно приоткрыл один глаз. Оценил ситуацию.

Если встать прямо сейчас, то неминуемо услышишь:

«Что ты лезешь под ноги?!» или «Освободи ванную!».

– Плетнев!

Надо как-то обозначить, что проснулся.

– Опять каша с яйцами... – огрызнулся тихо. – Борща б сварила.

Он пробубнил фразу себе под нос, но изящные уши Ирины были как локаторы.

– Ешь что дают! У нас не ресторан, а я не кухарка.

Хорошо хоть не «жри»...

Ирина промелькнула в дверном проеме уже при параде. Волос уложен. Костюм деловой. Окрас боевой. А это вселяло надежду – еще немного, она возьмет метлу и улетит. И можно вставать.

В ежеутреннем спарринге Ирина регулярно выходила победительницей. Через минуту очередной ее грозный окрик заставил-таки мужа подскочить в кровати. И даже свесить вниз ноги.

Ноги ткнулись в лежащую на полу медвежью шкуру. Главный охотничий трофей Плетнева, добытый год назад в подмосковных лесах.

Скорняк, отдавая ему выделанную добычу, поделился:

– Поверьте моему опыту, молодой человек, это чрезвычайно разнообразит вашу интимную жизнь. Любовь на шкуре – это что-то...

С кем? С кем тут предаваться любви на шкурах? Сплошной день сурка. Каждое утро одно и то же. Каждый день.

Каждый вечер. Когда я последний раз ружье в руки брал? На охоту ходил?

– Плетне-ев!!! – По производимым децибелам Ирина могла соревноваться с футбольными трибунами.

Антон Романович недобро хмыкнул и поднялся с семейного ложа. Поплелся в семейную ванную.

Присутствие жены ощущалось, даже когда ее не было рядом. Полочка под зеркалом ломилась под тяжестью кремов, тоников и скрабов. Каждое утро, чтобы добраться до зубной щетки, Плетневу приходилось действовать подобно минеру, чтобы не свернуть стройные ряды банок и флаконов. Но в отличие от минера Антон Романович ошибался не один раз – с завидной регулярностью. Банки валились на пол, закатывались за унитаз, а иногда и прямо в него, приходилось, чертыхаясь, ползать на карачках, чтобы все собрать.

Яичница опять не задалась. Он умел классно варить сосиски, но те вывелись еще на прошлой неделе. Супружеский спор – кто должен заполнять холодильник, напоминал арабо-израильский конфликт, только без военных действий.

Звонок телефона прервал трапезу.

– Да... – Плетнев старался говорить негромко, чтобы не услышала жена, – да, все в силе... Хорошо.

Обладательница меццо-сопрано имела еще одно замечательное свойство – появляться именно в самый неподходящий момент.

– Плетнев, хватит болтать. Проводи лучше жену. – Голос

любимой наждаком проехал по ушам.

Что ее провожать-то? Не заблудится, входную дверь найдёт без навигатора!

– Извините, всего хорошего. До встречи, – Антон Романович решил не давать лишний повод для скандала, свернув мобильный разговор.

Покорно выполз в прихожую для ритуальных проводов. Эх, забрали бы ее в армию на годик-другой – вот он бы тогда провожал от души!

– Кто звонил? – подозрительно поинтересовалась Ирина, инспектируя свое отражение в зеркале.

– Из охотничьего клуба, – нарочито равнодушно доложил муж.

– Вернешься когда?

– Часов в десять.

– Почему так поздно?

Плетнев подумал, что из его жены получился бы отличный опер – вопросы задавать она умела. Причем не тот опер, который «злой», а тот, который «очень злой».

– Отчетное собрание в клубе... Вон позвонили. Не могли раньше сказать, так нет – все в последний день. И кому это нужно? Отчеты, выборы, перевыборы... И здесь бюрократы.

Плетнев, словно плохой актер, которому доверили главную роль в топовом спектакле, очень старался быть убедительным. И вроде бы получилось. Недаром в театральной студии занимался. При местном ДК.

– Ладно... – Ирина дежурно подставила щеку для поцелуя, подхватила сумочку и упорхнула.

* * *

Вячеслав Андреевич Золотов разбивал кабриолетом десятибальные пробки, словно ледокол торосы. В переносном смысле, конечно. Хотя, наверное, сумел бы и в прямом. Уверенность и спокойствие – вот главные последствия приема импортных антидепрессантов. Он ехал на работу. Приносить пользу великой стране. Ну и себе, конечно.

В салоне возбуждающе пахло натуральной кожей, глаз радовал встроенный навигатор, а слух ублажал качественный звук.

А как еще? Хочешь иметь представительный вид – начинай с автомобиля и часов. В Америке, говорят, человека встречают по ботинкам, а у нас по машине.

Иногда Золотов даже завидовал тем, кто отпраздновал шумный юбилей – сорокед или даже полтос, – им о солидности думать не нужно. А еще лучше для дела, когда имеется качественное пузо. Пузо, сверху переходящее в грудь, а оттуда плавно в лицо. Как у насекомых. Только у тех головогрудь, а здесь – пузолицо. Пузолицо почему-то сразу вызывает у людей уважение.

У Золотова такого богатства, как пузолицо, не имелось. Даже не намекалось. И тридцатилетний юбилей – ни то

ни се – он отпраздновал всего три года назад. Вот и приходилось брать антуражем. Листать глянцевые мужские журналы, вникать во всяческие бренды и тренды. Следить за модными новинками, инвестировать в себя.

Разве обратила бы на него внимание несравненная модельная птичка Жанночка, если бы не имидж, который все?

А на поддержание достойного фасада требовались немалые материальные средства. Одни швейцарские часы, что у Золотова на запястье, по стоимости превосходили годовую зарплату всего его отдела. Но зато, когда требовалось подтвердить собственный весомый статус, он неизменно вскидывал руку как бы в поисках потерянного времени. И его нарочито непринужденный жест на собеседников, как правило, действовал. А потом владелец брендовых часов садился в престижный автомобиль и уезжал. Или приглашал с собой. По обстоятельствам. Вез в собственную квартиру в престижном зеленом районе. Не какое-нибудь Долгопрудное. Жизнь удалась. По контрасту с другими – кому не удалось свить гнездо в зеленом районе. А зарплата у чиновника средней руки не так чтобы очень. Если ее озвучить в банке, то и однушку в Бирюлево в ипотеку не дадут.

Через полчаса спринтерской езды Вячеслав Андреевич оказался у промежуточной точки пути – паркинга. Дважды в день, утром и вечером, он заезжал сюда, словно великий разведчик Штирлиц. Только Штирлицу было проще, он – вымышленный персонаж, а Вячеслав Андреевич вполне ре-

альный. И ему не надо клеить усы, надевать очки и берет. Ему всего лишь надо пересест в старые «жигули», достать из бардачка дешевые тайваньские часы и нацепить вместо швейцарских. Переобуться из «Италии» в «Китай». Ритуал соблюдался неукоснительно. Как-то раз забыл поменять часы, в результате весь рабочий день доказывал коллегам, что на руке дешевая подделка из так называемого таможенного конфиската. Единственным предметом, которого не стеснялся Вячеслав Андреевич, его старенький первый «айфон». Тратиться на всякие новомодные гаджеты он считал полной глупостью и помощью западным корпорациям. И это еще один показатель солидности. У многих очень уважаемых граждан на поясе висели не «пятые» или «шестые», а протертые до блеска «Nokia».

Ритуал хоть и соблюдался, но постепенно начал надоедать и раздражать. По очень простой причине – ездить на кабриолете Вячеславу Андреевичу было особо и некуда. В супермаркет? Да там никому дела до него нет. На тусовки? Он их не любил, хотя и познакомился с Жанной на одной из них – в закрытом клубе. В родной Алексин? Нельзя – сразу возникнут вопросы. А понтоваться перед соседями? Так вроде не пацан. Несколько раз, забывшись, возвращался домой на «жигулях». И что соседи? Да ничего. Даже не заметили. Нынче кабриолетом никого не удивишь.

Но продать его и купить агрегат, соответствующий занимаемой должности, рука не поднималась. Наверно, сказыва-

лось тяжелое провинциальное детство, пришедшееся на начало перестройки, когда, провожая взглядом какой-нибудь братанский джипарь, думал: «И у меня такой будет». После чего доедал бутерброд с дешевой колбасой и чечевичную похлебку, собранные матерью в школу.

И вот есть. Даже не джип. Круче. Только ездить на нем некуда. Даже обидно как-то. Наверно, было бы не обидно, если бы... Да. Если бы не было промежуточной парковки и переодеваний.

Как-то он услышал фразу, что счастье, это когда не надо себя уговаривать.

Вячеслав Андреевич постоянно ловил себя на мысли, что уговаривает...

Даже в модных клубах светиться уговаривает. Надо же где-то с нужными людьми знакомиться. Мечты-то вроде бы сбылись, но триумф выходил какой-то кислый. Словно вместо конфетки «рафаэлло» подсунули лимон. Важно вышагивая с коктейлем среди таких же важных персон при часах и кабриолетах, он еще больше ощущал какую-то неполноценность. Провинциальный мальчик с бутербродом и дешевым портфелем никуда не девался, вылезал в самый неподходящий момент. Потому что на фоне таких же инкубаторских персон при дорогих машинах, квартирах и прочих атрибутах красивой жизни Золотов ощущал сосущую пустоту под ложечкой. Но он цеплялся за свое кислое счастье, потому что не представлял себе другого.

Мобильник напомнил о себе на парковке возле запасного входа здания администрации. Золотов оставлял машину только там, а не у парадного подъезда. Всегда должны быть пути к отступлению.

– Слава, привет. Чего трубку не берешь? – Голос напарника Овалова сквозил похмельным недовольством.

Не беру, значит, не смог... Что за вопросы тупые? Не рассказывать же ему, как давил задницей на смартфон, заглушая трель. У Макса по баксу в каждом глазу, больше ничего не видит, кроме разве что односолодового вискаря. Разве поймет тонкую и влюбленную душу? Золотов соврал, что был в ванной.

– У нас все в силе. В двенадцать перезвоню, будь на связи, – деловито предупредил товарищ по бизнесу.

– Хорошо, Макс.

– Кстати, я еще вариант нашел, – продолжил Овалов, но у Золотова сработала вторая линия – звонила проснувшаяся Жанночка. Тут уж не до Макса с его вариантами. Пусть даже самыми шоколадными. Он торопливо пообещал перезвонить и спешно переключился.

– Слав, ты что – уехал? – В заспанном голосе русалки звучали нотки обиды.

– Не хотел будить. Доброе утро, – ласково ответил влюбленный.

– Блин... А как я уйду?

Чутье Золотова не обманывало – спящая красавица стра-

стью не пылала. Это чувство было ей чуждо. Золотов? А что Золотов? Так, на безрыбье. Временный вариант.

Жанна искренне полагала, что достойна лучшего. В конце концов, вокруг столько акул бизнеса плавают. Надо только правильно наживку забросить. Принц английский Гарри не женат. Криштиану Роналдо никак не устаканится. Миллиардер Рыболовлев вроде развелся и сейчас в свободном полете. Подумаешь, глубоко за шестьдесят? Зато очередной остров в Тихом океане подкупил. На этом фоне тип из районной администрации, специалист по правовым вопросам, выглядит бледно. Подумаешь, квартиру съемную ей оплачивает. Нормальные парни покупают.

– Просто захлопни дверь, – нежно предложил тип по правовым вопросам.

Ладно, для принца Гарри еще язык подучить нужно. А у нее инглиш в объеме средней школы. «Лондон – столица Великобритании... Май бразерс – тракторист... Кто сегодня дежурный?»

– Спасибо за завтрак, – проворковала модель, смягчившись.

– Готовил с любовью. Любовь – не домработница, а светлое чувство, – пошутил Вячеслав Андреевич, все еще надеясь на радостную взаимность. Жанна казалась ему пазлом, которого ему как раз не хватало, чтобы сложить свою картинку счастья и благополучия.

Жанночка не засмеялась.

Завтрак – хорошо, но одними завтраками сыт не будешь. Как и любовью. Она надеялась, что воздыхатель это понимает. На всякий случай покапризничала, чтобы жизнь медом не казалась.

– Я апельсиновый не пью, забыл? У меня на апельсины аллергия. Другой есть?

– Конечно, яблочный в холодильнике, – искренне огорчился Золотов.

И правда, как он мог забыть? Хотел, чтобы все было красиво – этюд в желтых тонах. Да, обязательно сегодня надо заехать в ювелирный.

* * *

Плетнев трясся на работу в переполненной маршрутке. На поворотах старался не вывалиться в проход, потому что рядом у окна разметала телеса дородная тетя с авоськой. Когда зазвонил телефон, еле исхитрился залезть в карман, чтобы достать, – тетка недовольно ворчала и толкалась пухлым локтем. Но уши наострила. Что еще делать в маршрутке?

– Паш, я ж предупреждал – не звони утром, пока Ирина дома! – прикрывая рот ладонью, укорил собеседника Антон Романович.

– Да ладно тебе... Скажи лучше, водку или коньяк?

– Ничего не надо. Ирина унюхает. Я ж на собрании.

– Тогда джин и текилу. Он них выхлоп нулевой. Прове-

рено.

Соседка брезгливо хмыкнула, словно кот на комнатную собачку. Знамо дело: от жены на попойку намылился, выдали мы таких! А еще в форме! Плетнев поспешил свернуть разговор:

– Хорошо. Все, Паша, до вечера.

Из маршрутки шагнул словно в специально для него приготовленную лужу. Довершая образ, мимо пронеслась «газель», окатив фонтаном брызг. Чертыхаясь и вспоминая, где в кабинете лежит щетка, Плетнев поплелся на опостылевшее рабочее место.

Как всегда опоздал. В кабинете уже пахло кофе и терпкими духами. Его коллега и соседка по кабинету – худосочная следачка Смирнова – одновременно отхлебывала из кружки и печатала протокол. На тумбочке надрывался телевизор, выдавливая из себя очередное бездарное ментовское «мыло». Плетнев молча кивнул коллеге, подсел к «ящику».

– Не в духе? – изобразила сочувствие Смирнова, не отрываясь от компьютера.

– Они б, что ли, консультанта наняли, – забрюзжал Плетнев, – и ведь народ смотрит!

– Да ладно, это ж «мыло»...

– Да уж, не Достоевский. Маша, даже в «мыле» нужна достоверность! Про сюжет вообще молчу...

– Смотрю, ты большой спец, – усмехнулась Смирнова, отхлебывая растворимый кофе.

– Спец не спец, а Гамлета играл. В драматической студии! – гордо выпрямившись, сообщил Плетнев, на что Маша Смирнова, представив эту картину, фыркнула и подавилась кофе.

– Морозиха заходила, тобой интересовалась, – сообщила Маша о визите шефини, откашлявшись, – я сказала, что ты вышел на минуточку, но она не поверила.

– Что хотела?

– Хотела, чтобы шел Гамлета играть.

– А откуда она про Гамлета знает?

Плетнев расстроился. В их конторе прозвища прилипали, как банный лист на голую ногу. Хорошо еще, если Гамлетом прозовут. А если бедным Йориком?

– Нет, про Гамлета – это я от себя. Она просто выгнать пообещала, – «успокоила» Смирнова.

Выгнать – не вариант. Вылетать с работы ему нельзя. Затравит Ирка, как мачеха Золушку. А феи в поддержку не предвидятся. Пусть уж лучше Морозиха сразу в расход пустит. Она может. И место есть на заднем дворе пристрелянное.

Пришлось засучить рукава и браться за работу. Работать не хотелось катастрофически. С обязанностями своими Плетнев с грехом пополам справлялся, но службу не любил. Ностальгировал по тем славным временам, когда после института подшивал дела в судебном архиве. Доход был мизерный, зато – относительная свобода и без авралов. А в выход-

ные начиналась настоящая жизнь. В пятницу вечером Плетнев укладывал в рюкзак соль-спички-носки, вешал на плечо старенькое ружьишко и уматывал из города до вечера воскресенья.

Эх, замечательный был период! Жаль только быстро закончился. После свадьбы Ирина эту страничку его жизни решительно перелистнула, подключив связи. Спорить с недавно обретенной половиной Плетнев не стал и по ее протекции оказался в Следственном комитете.

Теперь у Плетнева крутой охотничий «Зауэр», только охотиться он не ездит. Зато с преступностью борется. И в этой суровой борьбе знаменитые киношные следователи Подберезовиков и Знаменский как пример даже не рассматриваются.

Ностальгические воспоминания об архиве несколько раз за день перебивала шефиня Морозова, пархатой фурией залетающая в кабинет. Песни пела старые, но громко. Желавшие могли слышать ее арии в другом конце коридора.

– По трем делам нарушение сроков! Тянешь на дно весь отдел. Если до конца недели не направишь материалы в суд, выгоню к чертям собачьим! К чертовой матери. И никакие связи не спасут.

А может, и правда – лучше чтобы выгнала. Сам-то Плетнев ни за что не уйдет. А так вернулся бы в архив, по выходным с ружьишком в лес бы ездил. Ирку бы с собой взял – пусть посмотрит разочек, вдруг понравится. Впрочем, умом

понимал, что жене куковать на болоте в сыром шалаше понравится как алкоголику лимонад.

– Плетнев! – взвилась Морозова, обнаружив, что подчиненный мечтательно разглядывает что-то в небесах за окном. – Работать, Плетнев! Из-за таких, как ты, в стране кризис!

* * *

Рабочее утро Золотова началось более оптимистично. Оно пахло денежными знаками. Вкусно пахло. Почти как в типографии.

Посетитель из тех, что хотел «решать вопросы», сидел напротив Золотова по другую сторону стола. Оба – люди деловые, слов на ветер не бросали, предпочитая язык жестов. Их общение со стороны напоминало театр пантомимы.

Золотов листал папку с бумагами, выразительно закатывал глаза – мол, вопрос сложный, ответственность на себя нужно взять немалую! – и на пальцах показывал требуемую сумму. Пальцы у Вячеслава Андреевича были дорогими. Каждый палец соответствовал тысяче условных европейских единиц.

Его оппонент в ответ щурил глаза – помилуйте, вопрос яйца выеденного не стоит! – выкидывал собственные пальцы. Складывалось впечатление, что на руках у посетителя пальцев, по определению, меньше, чем на руках у чиновни-

ка.

Золотов выразительно проводил большим пальцем по горлу, что означало – я бы и рад согласиться, да не один в цепочке! И снова выкидывал условные пальцы.

Посетитель чесал в затылке – да и я не один, согласовать допросходы не мешало бы! – крутил своими тощими пальцами.

Даже ясновидящей вряд ли сообразил бы, что речь идет о судебном разбирательстве, – а гость Золотова хочет вернуть себе незаконно отобранный у него участок земли. Дело его правое, но страховка не повредит.

В этот непростой исторический момент в кабинете без стука нарисовался совершенно посторонний тип. Поглядел с любопытством на пантомиму. Неискушенному зрителю могло показаться, что два мужика от нечего делать играют в «камень-ножницы-бумагу». Но тип был искушен. И ввалился он свободно, по-хозяйски, отчего игроки заподозрили, что проиграли оба. У каждого по камню, причем на шее.

– Вячеслав Андреевич? Здравствуйте. А я к вам... Не помешаю? А то тихо у вас, – приветливо начал субъект и ловким движением извлек из кармана удостоверение, – Контрольно-ревизионное управление. Белов Сергей Викторович.

Посетителя как ветром сдуло. Хозяину кабинета тоже захотелось сдуться за ним. Но мешал стол и должностное положение.

– Доброе утро. Очень приятно, – голос Золотова зазвенел показным радушием.

– Хотелось бы надеяться, – усмехнулся в ответ Белов. Усмешка бонусов не сулила.

...И точно – весь расписанный по часам день, как взорванный поезд, покатился под откос. У деловых людей это называлось «упущенная выгода». Важные встречи срывались, народ нервничал и обрывал телефон. Абонент Овалов отменился 16 раз.

Но Золотову было не до Овалова. Своя шкура ближе к телу.

– Послушайте, Сергей Викторович, во-первых, я вообще не должен был этим заниматься. Патриотизм – не моя тема. Во-вторых, мне поручили организовать поездку накануне. И каким образом я должен был успеть провести тендер? Я нашел первого попавшегося перевозчика!

Между прочим, чиновник не врал. Все так и было – липопузы как один отказались, навесили патриотизм на Золотова. Нашли крайнего. Самое обидное, что лично он ничего с этого патриотизма не поимел. Ну почти ничего. Просто требовалось срочно освоить средства, потому как всем известно: в другой раз ни копейки не дадут...

– Во-первых, патриотизм – дело общее. Во-вторых, вы заплатили перевозчику в два раза больше средней стоимости этой услуги на рынке, – не сдавался Белов, которому в своей конторе, видимо, на патриотизм не досталось.

– Я считал, это нормальная цена, – Вячеслав Андреевич посмотрел на проверяющего, как приговоренный на палача, занесшего над ним секиру.

– У вас нет интернета? – подначил палач.

– При чем здесь интернет? Я просто ничего бы не успел! – Приговоренный с искренним энтузиазмом пытался отсрочить казнь. – Ас меня бы спросили, почему призывники не поехали по местам боевой славы.

– Кстати... Сколько было призывников?

– Не помню. Человек сто. На трех автобусах. Там акт есть. Вот тут попробуй придерись. Все бумажки в порядке.

Но Белов придрался:

– Да, верно. Только водитель утверждает, что автобус был всего один и заполнен на треть.

Вот упырь... Не поленился водилу отыскать.

– Видимо, он что-то перепутал.

Что такое слово водителя-гастарбайтера против грамотно оформленных бумаг?

Печати фиолетовые на месте, подписи сторон имеются. А гастарбайтер только деньги считать умеет, а всё остальное – с трудом.

– Боюсь, нет.

Палач дело знал. Зазубренная от шейных позвонков секира опускалась все ниже.

– То есть вы хотите сказать, что я присвоил эти деньги?

– Я хочу сказать, уважаемый Вячеслав Андреевич, что пе-

редам материалы в следственные органы. И пускай они разбираются – кто и что перепутал.

Да, изнанка у патриотизма оказалась неприглядная, мутная какая-то. Золотов вдруг живо представил, как изящная Жанночка на подгибающихся ножках тащит огромную сумку – передачу в СИЗО. От жалости к русалочке у Вячеслава Андреевича сжалось его большое и чуткое сердце.

Себя тоже было жаль. Следственный изолятор – не то место, где мечтает оказаться человек с чутким сердцем.

Жаль было до такой степени, пришлось наступить на кадык собственной песне и решительно отказать достававшему все утро Овалову.

В этот раз Макс предлагал окучить крайне серьезного человека с конспиративной кличкой Слепень. В миру же он носил вполне благозвучную фамилию Пронин и официально занимался разведением цветов. Сам он давно ни с кем не судился, предпочитая разбираться в рабочем порядке, не доводя дела до процесса. Но тут некстати сынок его огорчил – попался на хранении наркоты. В крупном размере. Мало того – решить вопрос во внесудебном порядке не удалось.

– Пацан в первый раз влетел. Ему условно будет, без вариантов. Но папаша хочет подстраховаться. Слав, че ты паришься? Мы с тобой честных людей не обуваем, а вор пусть платит. Славик, здесь такая ставка! Раз в пять больше обычного можно взять.

Овалов примерял на себя роль Робин Гуда, эдакого бор-

да за права униженных. Золотов слушал его и удивлялся: как такой серьезный человек, как Слепень, мог обратиться к такому несерьезному адвокату? Наверно, идиот какой-нибудь посоветовал, из тех, что уже «обуты».

– Макс... Я не могу сейчас. Меня ревизия трясет.

– Там своя история, здесь своя! И они не пересекаются!

– Если не будет обысков и других следственных действий.

А они реальны. Очень реальны.

– Слава, я тебе как юрист юристу – здесь реальные бабки. С такими ты неуязвим! Овалов потерял не только совесть, но и страх. Еще непонятно, что круче – нахлобучить Слепня или предложить деньги ревизору! То есть предложить можно, конечно, но вот чем это в итоге обернется – большой вопрос. Можно так предложить, что Жанночке придется с передачами не ходить, а летать. Как жене декабриста. Вернее, любовнице. А Жанночка вряд ли полетит. Да и Золотов не декабрист.

Нужно переждать. Будут еще варианты. Слепень-Пронин не последний в Москве лох. Золотов был тверд, как скала. Тем более что в основании скалы господин Белов, похоже, пробил сегодня маленькую трещину.

Нет в природе такого рабочего дня, который продолжался бы вечно. Любой, даже самый муторный и неблагополучный, к счастью, заканчивается.

Подошел к концу и рабочий день в следственной конторе Антона Романовича Плетнева. Подвигов он не совершил,

но одно коррупционное дело в суд направил. Да и начальница – боярыня Морозова к любовнику укатила, оперу из убойного отдела. А поэтому с чувством выполненного долга позволил себе отправиться на «отчетно-перевыборное собрание охотничьего клуба» с другом Пашкой Гудковым.

К слову сказать, встреча эта планировалась загодя, поэтому от производственных успехов никак не зависела. И даже в случае полного служебного фиаско могла пролить бальзам на травмированную службой душу...

Собрание проходило в небольшой частной бане на окраине Калининграда в обстановке строгой секретности и в присутствии двух обнаженных егерей женского пола, выполнявших роль секретаря и председателя ревизионной комиссии.

Красный после парилки Плетнев, обмотавшись белоснежной простыней, делился с Гудковым сокровенным, прихлебывая напиток, именуемый в рекламе просто «пенный». А так как кружка была уже далеко не первой, то и плакался Плетнев в гудковскую простыню от всей души, так сказать – чистосердечно. Даже забыл про егерей, плескавшихся в хлористом бассейне.

– Это не просто ревность, Паша! Это – диагноз! Тяжелая патология! Ты знаешь, что она учудила? Пришла в отдел и потребовала, чтобы меня пересадили в кабинет к мужику! Чтобы я соседку нечаянно не закадрил. Паша, она совсем спятила!

– Ревнует – значит, любит, – заступился за Ирину Гуд-

ков. – Она у тебя кто?

Бизнесвумен. Привыкла командовать, заморочек много, устает, вот на тебе и срывается.

Ему такая ситуация в семье была непонятна. У него с бабами было по-другому... Недовольна – в табло и за порог. Поэтому казалось даже прикольным, что баба может такое учудить. Но с Иркой он был знаком, поэтому верил. И не просто знаком. А иногда и поглядывал на правильные формы, тайно возжелав.

– К черту такую любовь, Паша! – У Плетнева редко появлялась возможность выговориться. Использовал он ее на все сто. – Я не могу каждую секунду вздрагивать от ее воплей! Вот почему я сегодня здесь? Мне надоело каждый день, как послушному Бобику, домой плестись и бредни ее выслушивать. Достала! Я действительно хочу ей изменить! Назло! Чтоб знала! Вернее, не знала, но ты понял!!

Такие сериальные страсти также были Гудкову чужды. Хочешь? Измени! В чем проблема? Вон – куклы в бассейне скучают.

– Так разведись, – лениво предложил он, отправляя в рот ломтик антикризисного балыка.

– Легко сказать – разведись! А жить где, а питаться как? Ведь все льготы родное государство урезало. Голый оклад. Хату на него снять можно, спору нет, но все остальное?

Плетнев не стал признаваться другу, что у жены еще и рука тяжелая, как артиллерийский снаряд, а оклад – это так,

для успокоения.

– Ой, прям ты на оклад живешь, – Гудкову надоело слушать нытье друга. Девки без амортизации мерзнут. Пиво греется. Баня стынет. А этот обиженный пузыри пускает.

– Представь – на оклад. Во! Мне сегодня из Москвы звонили. В командировку съездить предлагают, развеяться, – приободрился Плетнев и поднял вверх указательный палец, словно столица находилась где-то там, за подкопчённым баным потолком.

– Куда?

– В дыру какую-то. То ли Великобельск, то ли Великозельск...

– Тогда на фиг.

– Но с перспективой! Могут в Москву перевести!

– Так это другое дело! Поезжай!

– Ага, я б поехал... С удовольствием.

Грозный образ жены снова всплыл перед внутренним взором.

На этот раз законная подруга представилась ему в образе богини Афины, нацелившей мощное копье в сторону беззаботно плещущихся в бассейне егерей. Плетнев тряхнул головой, отгоняя наваждение, и подпустил язвы в голос:

– Если только Ирочка командировочное подпишет...

– Знаешь, Антох, если человек заходит в кабинку с буквой «М», это еще не значит, что он мужик. Не уподобляйся.

Как уже говорилось, Ирина иногда тревожила мужские

инстинкты Гудкова – мало ему попадалось женщин, которых он мог уважать. Эта штучка, мало того что собой хороша, так еще и мужика за поясок заткнет. Тем более такого, как Антошу. Он скосил глаза на дверь.

– Кстати, не вычислит, где ты сейчас?

– Нет, – уверенно мотнул Плетнев головой, – я следы замел... Профи.

Стихийные бедствия обычно случаются тогда, когда их не ждешь. Даже если МЧС предупреждает. Сидишь себе с другом в бане, пиво пьешь, по душам за жизнь говоришь, и вдруг – торнадо. Землетрясение. Пожар и потоп в одном флаконе.

Из предбанника донеслись апокалиптические звуки. Что-то упало и разбилось. Охранник тонко взвизгнул и застонал, словно футболист, получивший мячиком в неприкрытый вовремя пах. С голливудским грохотом распахнулась дверь, в помещение влетел перепуганный банщик. Влетел и распластался на полу, закрыв голову зажатой в руках веником. Вспышка слева!

Тот, кто придумал давать тайфунам женские имена, определенно знал толк в семейной жизни. Плетнев не только не успел нырнуть в спасительный бассейн – даже кружку на стол не вернул. Так и застыл, закрываясь ей, как щитом... Не замел следы. Не профи. Она всегда его находит. И сейчас нашла.

Не к ночи будь помянута – подумал Гудков и прикинул:

успеет ли скорая, ежели что? Может быть, не тянуть, сразу вызывать?

Девчонки-егеря, плескавшиеся в бассейне, ушли под воду с головами.

– Вот ты на каком собрании!

– Ириш, мы здесь по работе! А это сотрудники, – безо всякой надежды кивнул Плетнев на бассейн, – вернее, агенты...

– Это правда, – робко подтвердил Гудков, за что в ответ получил короткое, но емкое «заткнись».

Ирина раскрутила над головой сумку, словно пращу, и пошла в атаку.

* * *

Золотов коротал вечер не в бане, но тоже неплохо. С любимой в ресторане. Заведение выбирал по трем показателям – престижно, модно, дорого. Остановился на новом кабаке с интригующим названием «Подводя итоги». То ли хозяин начитался Сомерсета Моэма, то ли действительно решил подвести итог своей наполненной приключениями жизни. Но с интерьером постарался – несколько залов ненавязчиво погружали в атмосферу тех лет – застойные семидесятые, смутные восьмидесятые, беспредельные девяностые, рейдерские двухтысячные и кроваво-режимные наши... Для полного погружения в атмосферу не хватало только восковых манекенов, как в музее мадам Тюссо, – но, ве-

роятно, у ресторатора еще не дошли до них руки или подчиненные не подсказали. Золотов провел Жанну в наше время. В зале царил стильный хай-тек. Ничего лишнего. Огромные окна до пола показывали столицу с ее лучшей стороны.

Спокойное течение красавицы реки охраняли от непрошенных гостей солидные небоскребы, которые вполне могли бы дать фору шанхайским. На реку Золотов и уставился – размышляя, как бы поэффектней вручить свой презент. В результате брякнул:

– Любимая, это тебе, – и протянул бархатную коробочку. На эти серьги он потратил полчаса времени и полгонорара, заработанного на очередном лохе.

Еще никому он не дарил таких дорогих подарков. Но Жанна того стоила. Маленькая инвестиция в их будущее. Жанна уставилась внутрь коробочки – Золотов наблюдал за ее реакцией. Камушки в серьгах весело искрились и играли гранями. Каждая грань – полторы тысячи рублей-денег.

– Очень красивые. Спасибо, – вежливо поблагодарила Жанна, убирая обновку в сумочку.

Даритель был разочарован, так же как и одариваемая. Она ожидала что-то карата так на полтора, а тут мелочовка какая-то. Вон Катьке ее френд кольцо в два карата не пожалел, а тут... Но кислая физиономия кавалера подсказала, что надо спасать ситуацию. Все-таки он у нее пока что намба ван – не маячит еще на горизонте принц Гарри или миллиардер Рыболовлев. Жанна изобразила милую улыбку – экви-

валентную стоимости сережек:

– Закажи, пожалуйста, мне божоле и карпаччо из осьминога.

– Божоле – осеннее вино, здесь наверняка подделка, выпей лучше легкого белого, – тонко подколот Золотов, расстроившись из-за сережек.

– Хорошо. – Жанна подколот не распознала.

– Тебе правда понравилось? – не оставлял надежду даритель. На эти деньги он мог бы кровать на второй этаж купить, давно собирался.

– Да, я ж сказала... – Жанна перевела равнодушный взгляд с меню на небоскреб за окном. Было бы что обсуждать! Брюлики – под лупой не разглядишь. Фасон старушечий. Коллекция прошлогодняя. Так, в спортзал носить. Но парень старался, да и спонсоры пока в очередь не стоят. Лучше Золотов в руках, чем Абрамович в небе.

– Извини, устала немного, – нежно чирикнула она, погладив его по руке, – а у тебя как?

– У меня местами пасмурно, – нехотя признался Золотов.

Он готов был рассказать ей обо всех своих проблемах – даже о делах с Оваловым – только она совершенно не собиралась вникать. Зачем ей чужие проблемы? От проблем только ранние морщины.

Жанна помялась для приличия – пусть видит, как нелегко ей просить! – с беззащитной улыбкой перевела разговор в нужное русло:

– Слава, у меня подруга в Лондон едет. На дизайнерские курсы. На месяц. Туда вообще не попасть, а у нее одно место освободилось. Прикинь, ее приятельница отказалась. Такая удача! Только надо срочно проплатить. А у меня сейчас легкий кризис...

– Зачем тебе это? – чуть расстроено спросил Вячеслав Андреевич.

Какие-то курсы, из-за которых она уедет на целый месяц в Лондон! А как же он?

– Я же не собираюсь всю жизнь работать вешалкой для одежды. По подиуму ходить много ума не надо. Хочу сама разрабатывать, собственную линию открою. Славочка, такого шанса может больше не быть. Это такие прогрессивные курсы, ты не представляешь! Такие перспективы откроются!

Да это же Лондон! Практически столица Европы! Где еще приличная девушка может сегодня встретить достойный вариант? Столько клубов! Галерей! Полей для гольфа! Она легко нахмурилась. Совсем немножко, чтобы и он заметил, и кожа на лбу не растягивалась.

– И сколько надо? – обреченно уточнил Золотов.

Любимая поняла, что разговор пошел предметный, теперь главное – не прогадать.

– Это дорого, – умело надала на мужскую самооценку Жанночка, прежде чем озвучить цифру, – но, поверь, оно того стоит... Родной, у тебя что-то случилось?

Тонкие прохладные пальцы легко коснулись мозолистой руки чиновника. Надо мальчика поощрить, пока он тепленький – вон как смотрит на нее. А пригляд денег стоит. Она не зря изнуряет тело в фитнесе-солярии, часами наводит макияж и стилистов мучает. Она в прямом смысле – дорогая женщина.

– На службе проблемы, – скромно признался Золотов, – ревизоры.

И что это? Банальная отмазка? Типа: денег не дам, потому что самому нужны?

– Плох тот ревизор, кто не мечтает стать олигархом, – авторитетно заявила Жанна и легко сжала его кисть, – всегда можно договориться.

Плетнев и Золотов резким движением достали из кармана айфоны. Плетнев на крайнем западе нашей родины, Золотов – в самом центре.

Прям ковбой...

Антон Романович при этом прижимал к расцарапанной щеке пустую пивную кружку. Под глазом у него наливался синевой медальон, и теперь придется врать, что заработал он его в жестокой схватке с озверевшим бандитом.

Золотов свободной от айфона рукой распускал душивший шею галстук. Спина под пиджачком от Армани покрылась легкой испариной. Душновато здесь, душновато.

– Макс, работаем. Звони Слепню.

Деньги были нужны как никогда. Вернее, как всегда. Жан-

на открыто дала понять, что в случае отказа шансов у него как у истребителя, оставшегося без горючего в середине Атлантики.

– Геннадий Федорович, я поеду в этот Великосельск, – выпалил Плетнев, едва Лузан снял трубку.

Время пройдет, может быть, и с Иркой наладится. Все-таки она баба не совсем уж пропащая. Бьет, значит, любит. И деньги в дом приносит. Может, и прав Пашка – бизнес ее испортил. Сделки с недвижимостью. Раньше ведь не была такой, фурия из нее после свадьбы вылупилась – как бабочка из кокона. Или притворялась, лишь бы брачный хомут на шею набросить? И ведь не левачил – ни разу, вот что обидно, хоть девкам и нравится. Плетнев сам себя из-за этого стыдился. Ну не мог он изменить. Разве что по любви. А любви этой самой после знакомства с женой больше не случилось. Напрочь отбила Ирина Прекрасная охоту к светлому чувству. Хорошо хоть не почки. А ведь вроде все при нем – и рост, и плечи, на актера Дюжева похож, если не приглядываться. Ему и в драмстудии театрально-киношную карьеру пророчили – мол, типажный ты парень, Антон. В Москву предлагали рвануть – в театральный. А он не рискнул. Отца послушался. Тот нрава крутого, слесарь-пятиразрядник, всю жизнь на заводе, пока завод не продали на запчасти. Разве ж это мужская профессия, сын? Не позорь фамилию. Он и не стал позорить – пошел в юридический. А двое парней из его студии позора не испугались – и сейчас вон мель-

кают в сериалах. Хотя им никто карьеру не пророчил. И живут ярко, и любимым делом занимаются. А он... Так и останется заложником своих страхов и работы опостылевшей? Ради чего? Ради кого? Отцу-то уже все равно – пять лет как от земных дел отдыхает, не смог перенести продажу завода. А Плетневу в наследство – служба надоевшая, однообразие и скука.

Ему и в голову не приходило, что скучает он не один. Кому-то там, наверху, тоже, наверное, стало скучно. Захотелось развеяться. Чем иначе объяснить последующие события?

Москва, Калининград, далекий Великозельск – всю Россию тот, что сверху, включил в действие. Все перемешал. Всех запутал. Юморист! Рок? Фатум? Бог? Кому обвинение предъявить? Вроде как и некому.

Но закрутилось. Завертелось. Понеслось...

* * *

Судья зачитывала приговор с такой скоростью, что отправь ее на конкурс скороговорок – она непременно вошла бы в тройку лидеров. Но это никого не печалило, скорее радовало: быстрее отстреляется – быстрее все придет к ожидаемому финалу с ключевым словом «условно». Подсудимый Пронин-младший, его дражайшие родители и адвокат Овалов сфокусировали нетерпеливые взгляды на судье.

Черная мантия, обнимающая массивные плечи, и длин-

ный крючковатый нос сообщали ей едва уловимое сходство с вороной, что явно веселило подсудимого. Он периодически опускал голову, пряча ухмылку.

Судья его ухмылки не замечала, поскольку под внешней беспристрастностью прятала растрепанные чувства.

С одной стороны, она как никто понимала, что исправительная система в стране устроена таким заковыристым образом, что вряд ли кого-то в состоянии исправить. Что такое тюрьма? А зона? Кузница криминальных кадров. И не потому, что сотрудники плохие – сама система диктует. Поэтому глупым пацанам, попавшимся на продаже одной дозы наркоты в клубе, не давала реальных сроков. Вот и в данном случае – полезнее будет, если Пронин-старший сынку дома сам мозги вправит. «Лексус» на время изымет, платиновую кредитку отберет. Скорей воспитательный эффект будет, чем на зоне доски стругать.

С другой стороны, квалификационная комиссия на носу. И судье уже тонко намекнули, что мягкотелость и лояльность – не те качества, что приветствует Фемида в этот сложный для родины момент. До пенсии судье оставалось немного, и делать она больше ничего не умела, да и не хотела. И рисковать заслуженным отдыхом не собиралась. А потому служительница закона мужественно добубнила до решающих слов, отдышалась и внятно произнесла:

– В соответствии со статьей двести двадцать восьмой, точка один, частью первой Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации назначить Пронину Александру Анатольевичу наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии общего режима.

В конце концов, кто в ее жизни этот мальчишка Пронин? Сидит, стервец, жвачку жует, ни черта не боится. Другие на приговор приходят – поджилки трясутся, с собой сумку с вещами тащат – вдруг на нары сразу со скамьи подсудимых. А этот – сама видела в окно – на кабриолете прикатил! Уверен, что сейчас за руль сядет и в кабак рванет отмечать свое «условно».

А у нее, между прочим, тоже сын, постарше этого мальчишки, и кабриолет ему только во сне снится! Так что пусть уж младший Пронин поглядит, как обычные люди живут. Тем более что ни адвокат, ни папашка ей совсем ничего не предложили. И даже не намекнули. Она бы все равно не взяла, но обычай есть обычай.

– Заключить Пронина Александра Анатольевича под стражу в зале суда. Приговор может быть обжалован в суде высшей инстанции...

Младший Пронин подумал, что ослышался. Чуть не подавился жвачкой и уставился на мамашу с немим вопросом. Папахен ведь чесал, что бабосов отстегнул и все будет в шоколаде!

Госпожа Пронина протяжно ойкнула и испуганно перевела взгляд на мужа.

Пронин-старший медленно повернул голову в сторону си-

дящего рядом с сыном Овалова. Его взглядом можно было забивать гвозди. Вместо молотка. Или сносить старый дом.

У Овалова зачесались ступни ног. Еще бы, он был наслышан о том, как в суровые девяностые молодой тогда еще папаша Пронин по кличке Слепень собственноручно заливал в тазики цемент. И не в пустые тазики. А с глупыми головами. Он вообще мало походил на нормальных людей. Нормальные заливают ноги. И потом кидают приговоренного с моста в реку.

В памяти отчетливо пронеслась сцена их первой встречи. Черный джип, увешанный зенитными прожекторами, был призван сразу наводить на мысли о серьезности намерений хозяина. Для особо сообразительных в кильватере следовал еще один джип – чуть меньшего размера. За ним – еще один. Когда маленькое стадо внедорожников остановилось рядом с машиной Овалова, и Слепень в сопровождении оруженосца Акулова (для близких просто Акула, а совсем близких – Зубастик) вышли из машины, Макс у вдруг нестерпимо захотелось ударить по газам и испариться. Если бы Слава снова предложил не связываться, Овалов и спорить бы не стал. Но Слава не предложил.

– Здесь с горкой, – Слепень протянул Золотову объемный пакет с деньгами, – я очень на вас надеюсь.

– Конечно-конечно, Анатолий Сергеевич, все решим, – поспешил заверить Овалов, краем глаза наблюдая, как пакет переместился в портфель компаньона. Теперь отступать

поздно.

– Вы понимаете – это мой единственный сын?

– Как не понять? – Неуклюже пошутил Овалов. – У нас тоже будут дети...

– Последнее теперь уже зависит не только от вас, – мрачно парировал шуткой Слепень. – До встречи.

– На что это он намекал? – осторожно поинтересовался у компаньона Золотов, едва стадо двинулось на разворот.

Всегда убедительный, как дельфийский оракул, на этот раз Овалов не смог убрать с чела тень растерянности.

– Ну как на что? Чтобы родить ребенка, нужна еще женщина, – предположил он.

– А я думаю – на другое.

Макс ничего не ответил, но мысленно с Золотовым согласился. Детородная функция обоих махинаторов находилась под угрозой.

Конечно, можно было действительно намекнуть судье, но беда в том, что никогда раньше он этого не делал. Да и процессы, в которых он участвовал, были в основном гражданскими, а не уголовными. И в случае проигрыша его подзащитного он возвращал тому деньги. Мол, извините, но судья не взял. Но пока ему везло, почти все тяжбы он выигрывал.

И теперь, по оглашении приговора, Макс вдруг осознал, что, возможно, на нем прекратится навсегда славный род Оваловых, берущий начало аж с петровских времен. Овало-

ву хотелось верить, что своим существованием он обязан самому Меншикову. В его золотые времена, а не в период угасания в Березове. Но в данной ситуации никакая родословная не поможет. И просто вернуть деньги Слепню не получится – не та фигура – за базар отвечать придется по-взрослому.

– Анатолий Сергеевич, видимо, Вячеслав Андреевич не смог договориться, – подобострастно зашептал Овалов, с легкостью переводя стрелки на компаньона, – мы все вернем! Мы обжалуем приговор, вы только не волнуйтесь! Все будет хорошо!

* * *

Плетнев с Гудковым стояли за столиком уличного кафе и давились сосисками в тесте. В домашнем питании первому было категорически отказано, а второй поддержал товарища из мужской солидарности. Нет, слово «отказано» не совсем уместно, майор юстиции просто не рискнул возвращаться к семейному очагу после сцены с Афиной и егерями. Ночевал у Гудкова на коротком диванчике в проходной комнате. Комфорт, конечно, сомнительный, зато безопасно. Ирка обрывала телефон, но Антон Романович держался, трубку не снимал и на дверной стук не реагировал. (У него тоже гордость есть!) Ждал командировки, как манны небесной.

– Через Москву летишь? – как бы между прочим поинте-

ресовался Гудков.

– Да. Потом поездом в Великозельск. – Плетнев поморщился от перспективы трястись по железной дороге, и глубокие царапины на лице пришли в движение.

– Слушай, Тох, нехватишь кое-что в столицу? – нарочито непринужденно попросил Гудков, устремив взгляд к небу, где паслось похожее на барашка облачко.

– Что?

– Надо бы хорошим людям помочь. У них сейчас проблемы, – осторожно добавил Гудков, не отрывая взгляда от небосвода. Облачко неспешно трансформировалось – теперь оно больше походило на зевающего бегемота.

– Так что, что? Не томи, – с набитым ртом подбодрил друг детства.

– Камешки... Из Израиля. Необработанные, – едва слышно произнес Паша, вмиг оторвавшись от созерцания бегемота и наклоняясь к другу.

– Чего? Брюлики?

От неожиданности Плетнев даже перестал жевать. Ему, слуге закона, лучший друг такие непристойные предложения делает. Не ожидал! Как он себе это представляет? Плетнев ему что, курьер? Он бы его еще наркоту перекинуть попросил!

– Тихо ты! – Паша оглянулся, словно опасаясь слежки. – Да.

– И что ж это за хорошие люди? – Взгляд слуги закона стал

жестким, а лицо – серьезным, словно у бюста Дзержинского. То, что друг знается с какими-то криминальными элементами, его несколько беспокоило.

– Люди как люди, – примирительно пожал плечами Гудков, – я ж говорю, у них сейчас проблемы. Двух курьеров подряд спалили. Может, случайно, а может нет.

Гудков наклонился над столом, заглянул Плетневу в глаза, шепотом добавил:

– А тебя с твоими корочками никто проверять не будет.

Взгляд его при этом светился чистотой и невинностью.

– Паш, ты, вообще, в курсе, что предлагаешь? Мне, майору Следственного комитета, – где-то в глубине израненной души хотелось верить, что Паша шутит, элементарно разводит, – стать соучастником контрабанды бриллиантов. В Уголовный кодекс, случайно, не заглядывал? Сроки не смотрел?

– Так риска-то никакого, – наседал друг детства, – для тебя уж точно никакого. Кому в голову взбредет тебя проверять?

– При чем здесь риск? Я, на минуточку, – представитель власти. И честь мундира для меня – не пустые слова. Я, чтоб ты знал, присягу приносил.

Паша искренне расстроился – друг до сих пор верит в сказки. Хоть и служит в Следственном комитете. Какая честь? Какого мундира? При чем тут присяга, когда такие бабки на кону? Совсем крыша поехала?

– Так в мундир и спрячешь, – с энтузиазмом прошептал

он, все меньше веря в успех переговоров, — камушки — не железо, не звенят. А потом, Тоха, это ж не задаром. Три квартиры снимать сможешь. Заметь, в Москве!

Паша достал из кармана ручку и нарисовал на салфетке цену вопроса. Цифра была из первого десятка, но нулей много.

Плетнев посмотрел на салфетку, и в голове закрутился старенький шлягер Газманова «Эскадрон моих мыслей шальных».

А что, собственно, случится? Он же не убьет никого, не ограбит. Не украдет. Просто здесь заберет, а в Москве передаст. Как будто это не камни, а так, пирожки от бабушки. В конце концов, он мог и не знать, что везет. Никто из простых граждан от этого не пострадает. Зато получит обозначенные нули за дружескую услугу. Будет на что в Москве начинать. Перевод-то в Москву ему предлагали, но квартиру от государства никто не обещал. В общежитии жить? Снимать? Кстати, в Москве даже на съемное жилье такие цены, что укачать может. И чашечка кофе столько стоит, как в родном Калининграде полноценный обед в приличном ресторане.

— В Москве люди встретят, рассчитаются. Я отвечаю, — Паша всячески подстегивал эскадрон плетневских мыслей.

— Я мундир марать не буду! — театрально взмахнул рукой Антон Романович, еще раз бросив контрольный взгляд на салфетку.

Паша сразу приуныл. Он надеялся и верил.
– Не буду, понял?.. В костюме спрячу.

* * *

Золотов сидел в своем кабинете и, как положено чиновнику, корпел над бумагами. Увы, не ценными. Есть такой вид человеческой деятельности. Крайне ответственный и необходимый. Макс пока не отзывался, видимо, суд над Проныным-младшим еще идет.

В кабинет тихонько проскользнула молоденькая коллега, имевшая на Золотова определенные виды как на перспективного мужчину, и поэтому занималась легким шпионажем в его пользу. Она не стала, как обычно, флиртовать, а озабоченно прошептала от дверей:

– Слава, я сейчас у шефа была, к нему пришли.

Она стрельнула глазами куда-то вверх, словно к шефу на самом деле не пришли, а спустились с небес.

– Из органов... Про тебя говорили.

Из органов... Интересно, каких? ОБЭП? Следственный комитет? Или просто участковый? Нет, участковый вряд ли. Остальные – запросто. «Патриотизм» дело серьезное, а иногда и уголовное. С другой стороны, ущерба там на копейку. Другие миллионами и миллиардами воруют. Вагонами. Эшелонами. И хоть бы какой орган ими заинтересовался! Дома в Ницце покупают, шале в Швейцарии строят, на ях-

тах по миру катаются. А здесь сидишь, страдаешь от «патриотизма», как дурак, – и ни шале, ни яхты. За каких-то три – или даже один! – автобус будут теперь облавы устраивать. Если, конечно, дело в автобусах, а не в их с Максом комбинациях...

– А что, что говорили?

– Я поздно вошла, не все слышала, – коллега легкомысленно пожала плечами. – Вроде про уголовное дело. Про обыск что-то. Когда спросили про тебя, шеф сказал – ты по делам уехал. Я подтвердила.

– Понял. Спасибо.

– Удачи. Обнимашки!

Какие к черту обнимашки?! Что за слово дебильное?

Золотов вскочил со стула, и от резкого движения бумаги рассыпались по полу. Собирать их было некогда. Откровенного компромата он на службе не хранил, следы заметить не надо. Дома, впрочем, тоже. Правда, сам дом служил неслабым компроматом. «А на какие, собственно?..»

Сбегая по черной лестнице, позвонил Жанне:

– Котенок, я сейчас к тебе. Так надо. Потом объясню. Мне домой пока нельзя. От черного входа, оглядываясь, словно киллер на задании, прокрался к маскировочным «жигулям». Не прогрел движок, рванул с места и облегченно выдохнул, только когда свернул за угол.

Меняя машину, он ощущал себя агентом, оторвавшимся от слежки – хотя никто за ним не гнался. Звонок Макса на-

стиг его во дворе дома любимой.

– Слава, ты на работе?

– Нет, там проблемы. Мне отсидеться нужно. К Жанне еду.

– Жаль, я как раз рядом с тобой, заскочить хотел. За своей половиной.

Не до Макса сейчас. Есть дела поважней, чем деньги делить.

– Давай завтра, – предложил Золотов. – Как суд?

– Нормально, – протянул Овалов и не совсем уверенно добавил: – Условно дали, как и обещал.

Если бы Золотов не пребывал в состоянии легкого мандаржа, он наверняка уловил бы в голосе компаньона фальшивые нотки. Но он еще не вполне отдышался, спасаясь от воображаемой погони, и ему хотелось верить в хорошее. Ну хоть здесь все срослось! Можно осчастливить Жанночку.

Золотов, разумеется, представить не мог, что Макс в это время томится на заднем сиденье пронинского джипа, зажатый с двух сторон мутноглазыми амбалами. От привычной его вальяжности и лощености не осталось и следа. Золотов даже не подозревал, что дружок его подставляет в эту минуту по полной программе, причем совершенно безвозмездно.

– Он к Жанне едет.

– Кто это? – холодно уточнил Пронин.

– Так, подруга его. Модель. Ухлестывает за ней.

– Где живет, знаешь? – Один из пронинских адъютантов

слегка пошевелился, и в бок Овалову чувствительно вонзился его мощный локоть.

– Визуально, – прохрипел Овалов, – был разок.

Теперь он хорошо понял, что имел в виду Пронин на последней встрече. «Это зависит не только от вас». Да, женщины здесь совсем ни при чем. Эх, не быть им со Славой отцами. Не быть.

– Покажешь, – распорядился Слепень и, кивнув на Овалова, отдал команду Акуле: – Этого не выпускать.

* * *

Друзья детства, один из которых представлял Следственный комитет, а второй непонятно кого, дожидались «хорошего человека с проблемами», сидя в машине последнего.

– Все запомнил? – Паша слегка нервничал, словно хакер, ломающий свой первый банк.

– А что тут помнить? Кафе «Алмаз», восемь вечера, столик у панно, – бриллиантовый курьер Плетнев, наоборот, был абсолютно спокоен, – кабак специально с таким названием выбрали?

– Нет, случайно вышло. Лучше приди пораньше, закажи что-нибудь. Меньше подозрений.

– Не учи, не первый год в органах.

Сомнительная авантюра, в которую ввязался Антон Романович, его почти не беспокоила – жажда финансовой неза-

висимости от Ирочки заглушила страх. Домой он, разумеется, накануне отъезда вернулся. Не у Пашки же жить? Ирина, тьфу-тьфу, больше не била и даже не орала, заняв позицию молчаливой обиженной гордости. Оно и к лучшему. Завтра он сообщит, что отбывает в командировку. А то и просто записку оставит. Иначе удумает с ним полететь.

Размышления прервал притормозивший рядом «хаммер». Паша выбрался из салона своего авто и поспешил навстречу «хорошему человеку». Плетнев последовал за ним. Внешность владельца «хаммера» как-то сразу напомнила ему те славные годы, когда все платили негосударственные налоги.

Свою фамилию Коля Деризубов оправдывал на все двести процентов.

В руках он бережно и трепетно держал голубоватый пиджак Плетнева, словно курсант знамя на присяге. Не здороваясь, сразу приступил к делу:

– Вот. Камни здесь, за подкладкой. Симметрично, – он протянул пиджак хозяину.

Плетнев пиджак надел – ощущения те же – сидел на фигуре как обычно. Даже странно: за сутки подскочил в цене до немыслимых обывателю высот, а по ощущениям ничего не изменилось.

– А доставать как? Прямо в кабаке?

– Вот там шовчики, – Деризубов распахнул на Плетневе пиджак и ткнул пальцем в район почек, – подрежете чем-

нибудь, сами выпадут. На всякий случай возьмите ножницы для маникюра. У вас есть ножницы?

Плетнев заверил, что есть, выскальзывая из рук нового знакомого.

– Антон Романович, – задушевно напутствовал Деризубов, когда курьер ощупал швы и застегнул пиджак, – мы вам, конечно, полностью доверяем, но и вы учтите: здесь все, что есть. Поэтому не потеряйте.

– Не потеряю, – уверенно пообещал Плетнев. – Как в здравом уме можно потерять пиджак? Да еще с бриллиантовой прокладкой.

– И не пропадайте, – с ласковой улыбкой тираннозавра увещевал Деризубов, – а то у нас один взял и пропал. На Бали нашли через полгода. Мы всех находим. Он извинился, конечно, – бес попутал, все такое. Камешки вернул. И за моральный ущерб.

– И где он сейчас? – выказал неподдельный интерес слуга закона.

– Кто? – Коля улыбнулся еще шире, словно хвастаясь работой персонального стоматолога.

– Ну... курьер.

– Какой курьер?

– На Бали который...

Ответ завис в воздухе, как и чеширская улыбка Деризубова. «Хорошие люди с проблемами» вежливо улыбаются, но обид не прощают.

– Ах, на Бали? – мечтательно закатил глаза Коля. – На Бали классно! Рыбалка там замечательная. Если удастся побывать, непременно сплавайте. Я как-то акулу взял. Во такую...

Коля развел руки примерно на метр.

– В смысле пасть у нее такая... Ну удачи...

Следователь вдруг почувствовал себя под бриллиантовым пиджаком как-то неуютно. Словно в подкладку были зашиты не невесомые камешки, а гири. Захотелось отказаться от авантюры, вернуть товар и стать свободным от обязательств. Лучше уж быть бедным, но живым, чем богатым и... Но как отдашь, когда уже связался? Люди-то непростые. Один взгляд у этого «хорошего человека» – как у голодного гризли. Потом точно так же руками разведет и спросит: «Какой Плетнев? Не было никакого Плетнева». И никакие «корочки» не помогут. Про них теперь можно вообще забыть.

Деризубов отбыл, но голосок в ушах остался. Чеширский гризли...

На всякий случай Антон Романович несколько раз подпрыгнул, чтобы проверить драгоценную ношу. Но снова ничего не ощутил – не тянет, не режет, не колется. Как будто и нет ничего там, за подкладкой. А может, и нет? Может, это шутка такая? Только внешность любителя рыбалки к шуткам располагала примерно так же, как направленное в тебя дуло охотничьего ружья, заряженного картечью.

– Твоя Ирка по карманам роется? – уточнил Гудков.

– Не то слово, – мрачно признался Антон Романович.

– Пусть у меня тогда полежит, снимай. А то найдет еще. Я тебе в аэропорт привезу, – заботливо предложил лучший друг.

Предосторожность оказалась лишней. Ирину Плетнев до отлета не увидел, та ночевала у мамы. Вероятно, решила его таким образом проучить. Лучше и придумать не могла – как в известной сказке братец Кролик просит братца Лиса: «Только не бросай меня в терновый куст». Теперь у Плетнева, как у братца Кролика, появилась счастливая возможность слинять из дома по-тихому. Он привычным движением закинул в чемодан форму, фуражку, сменное белье, тапки. Хотел даже выпить чаю перед дальней дорогой, наслаждаясь звенящей тишиной, царившей в квартире в кои то веки. Но идиллию нарушила зловещая СМС от жены: «Без меня не уезжай!» Чай был тут же забыт. Интересно, откуда она узнала про командировку? Плетнев давно догадывался, что у нее есть осведомитель в его конторе.

– Обойдешься, – прошептал он, глядя на дисплей телефона, словно жена могла услышать, подхватил чемодан и выскользнул из квартиры.

В аэропорту все прошло гладко, как и предполагалось. Никто повышенного интереса к следователю не проявлял. В самолете Плетнев наконец-то смог расслабиться и поспать. И в Москве ощутил себя другим человеком. Обновленным и свободным. Лузан, как и обещал, прислал за ним служебную машину. И, удобно устраиваясь на пассажир-

ском сиденье, Плетнев упивался мыслью о своей значимости. Абы за кем служебные авто не присылают.

– Заедем на вокзал? Я чемодан сдам в камеру хранения.

– Да оставьте в багажнике, – услужливо предложил водитель, – я вас вечером отвезу.

– Нет-нет, спасибо, у меня здесь еще кое-какие дела.

Как-то не комильфо на комитетской машине ехать на встречу с бриллиантовыми контрабандистами.

Плетнев по-хозяйски плюхнулся на сиденье рядом с водителем, тоном Гагарина перед полетом скомандовал:

– Поехали!

Здравствуй, Москва! Здравствуй, новая жизнь!

* * *

А Золотов мечтал как-то со старой разобраться.

В Жаннином съемном гнездышке он притулился на хлипкой манерной козетке, непрерывно куда-то звонил, совершенно забыв про Жанночку, облаченную в подаренный им белоснежный кружевной пеньюар.

– Так... Понял... Спасибо, Витя. Пока.

Он положил на стол телефон и беспомощно посмотрел на пассиву, словно крестник на фею, которая одним взмахом волшебной палочки могла решить все проблемы. Вываливающийся из кружев силиконовый бюст проблемы решить не мог и потому в настоящую минуту не вызывал никаких

положительных эмоций.

– Витька, сосед, – объяснил он, – сказал, к нему приходили, про меня выспрашивали. Повестку оставили. Но не уехали, во дворе ждут. Черт!

– И что делать? – буднично спросила Жанна, не отрываясь от заточки пилкой ногтей.

Она явно томила, даже не пытаясь скрыть печать скуки, тенью набежавшей на хорошенькое личико. Золотов занимался какой-то чепухой, вместо того чтобы выпить вместе с ней легкого вина, закусить фруктами – не следует плотно наедаться на ночь, так только люмпены делают – и немножко пошалить на пушистом ковре. Проблемы Золотова волновали Жанну мало. Как и развлечения на ковре. Но разве без этого мужика удержишь. А он пока ей пригодится. Можно и потерпеть – ради светлого будущего.

– Не знаю, – обреченно прошептал он.

Больше всего ее раздражала в сильном поле эта фраза. И он это чувствовал. И ее раздражение, и ее недовольство. Но сейчас ему было не до того и не до нее. Не до изысков. Ну не супермен, не Бэтмен. Ему как никогда хотелось простого человеческого тепла и сочувствия. Разве не заслужил? Еще немного – и скупая мужская слеза скатилась бы по гладко выбритой щеке. Но тут подруга выдала реплику:

– Послушай, Слава, – изрекла она, накручивая на палец прядь свежевыкрашенных волос, – всегда можно найти выход.

Между прочим, мог бы обратить внимание: самый модный в этом сезоне цвет, «розовый жемчуг» называется. Но он ведь мужлан по сути, хоть и старается гламурно выглядеть. Где ему оценить бархатистость девичьей кожи после spa-процедур? Разве он в состоянии заметить, как волосы блесят после биоионизации? Наверное, если бы она встретила его во фланелевом халате, с половником в руках и с кастрюлей шей, он бы бровью не повел. А то и обрадовался бы! Некоторые мужики, говорят, своих жен специально откармливают, как хрюшек, чтоб никто другой на них не позарился. Ужас просто!

– Ну что тебе будет? – Жанна демонстрировала чудеса терпения, следуя совету из недавно прочитанной книжки «Как выйти замуж за олигарха». – Даже если не сможешь договориться. Подумаешь, каких-то сто тысяч! Вон люди – миллиардами воруют и в ус не дуют.

Золотов молча кивнул. Усов у него не было. Но только от близкой сердцу мысли, озвученной Жанной, лучше не становилось. Скорее, наоборот. Вячеслав Андреевич в очередной раз представил, как несчастная подруга идет к нему на свидание в тюрьму. Представление получилось каким-то размытым, надуманным, что ли? При всей своей романтичности идиотом Золотов не был и прекрасно понимал, что любимая плакать по нему будет недолго, а передачи носить – и подавно.

– Ты дипломированный юрист со связями, неужели не вы-

крутишься? – терпеливо увещевала Жанночка, умудренная вычитанными в книжке советами. Пусть Золотов – герой не ее романа, но хоть коготки на нем отточит. – За экономику сейчас не арестовывают. У тебя ведь это первый залет? Максимум – штраф!

– Все равно как-то беспокойно, – еще больше приуныл герой-любовник, – из-за простого штрафа во дворе не ждут.

– А ты всю жизнь прятаться собрался? Бесполезно. Поэтому, чем раньше сдашься, тем лучше. Успокойся.

– Ты бы еще сказала «раньше сядешь – раньше выйдешь». Ну что ты такое несешь?

Золотов впервые увидел подругу не в розовом свете, а в черно-белых тонах. Балансируя на козетке, он гипнотизировал взглядом айфон, словно надеясь – вот сейчас раздастся веселая мелодия и беззаботный голос сообщит, что это розыгрыш. Не звонит, сволочь... Ну с кем, с кем посоветоваться? Жанна не в счет, с ней можно общаться только на генном уровне. В прямом смысле этого слова.

Жанне пришлось пускать в ход главное оружие. Она профессионально повела плечиками, чтобы силикон еще больше вывалился из декольте, протянула бокал с вином, томно заглянула в глаза полуделовому партнеру. Пришлось практически насильно сунуть ему в дрожащие руки бокал. Он не стал сопротивляться. Выпил залпом, словно воду, абсолютно не почувствовав насыщенного букета и тонкого аромата. Любимая едва заметно скривилась – и куда весь его

лоск девался? Но ничего не поделаешь, она вздохнула, с силой притянула Золотова к себе, крепко впившись пальцами в уголки накрахмаленного воротничка, и жарко зашептала:

– Все будет хорошо. Я знаю. Ты же у меня такой реактивный.

– Какой? – не понял Золотов.

– В смысле креативный. Все время путаю.

Золотов начал сдаваться. Ему захотелось хоть ненадолго забыться, сбросить напряжение. Да и не имеет он права распускаться, когда рядом такая девушка жаждет неземной любви.

– Да... Ты такой... – Словно в подтверждение его мыслей, Жанна нежной пиявкой впиалась в губы и слегка подтолкнула с дивана: – Иди в душ.

Но едва Вячеслав Андреевич скрылся в ванной, как раздался звонок в дверь.

* * *

В здании Следственного комитета, в одном из кабинетов средней руки Плетнева действительно ждали с нетерпением. Оттого прием организовали в самом деле радушный, словно вся Москва спала и видела у себя в гостях калининградского майора. А в перспективе – ив жителях, почему бы и нет? Окрыленный и одурманенный приемом, Антон Романович почти поверил в волшебную сказку.

Он расслабился, растекся по мягкому креслу, вальяжно уложив локоть на подлокотник. С удовольствием пригубил коньячок в компании начальства – кто ж откажется? Да и не лишь бы за что, а за начало новой жизни – за службу в Москве.

Однако при всех позволенных себе излишествах Плетнев о главном помнил и пиджак не снимал, несмотря на жару. Жар, как известно из пословицы, костей не ломит! А свои бриллианты ближе к телу... От коньяка мысли начали понемногу путаться и не походили на эскадрон.

Плетнев хоть и перекусил в самолете, но что там за порции для здорового мужика?

– Да, славная получилась у нас охота, – предавался воспоминаниям сидящий напротив Плетнева хозяин кабинета.

Геннадий Федорович Лузан прекрасно понимал, что не по чину провинциальному майоришке такой прием, да тут уж не до субординации. Дело к Плетневу было деликатное, тонкое, тут сперва неплохо правильную атмосферу создать. Для закрепления отношений. Про общие боевые подвиги напомнить.

На совместной охоте они, в общем-то, оказались случайным образом. Плетнев входил в следственную бригаду, расследовавшую махинации с янтарем. Концы вели в столицу, поэтому делом занялся центр. Целый месяц Антон Романович жил в порту пяти морей, каждый вечер докладывая по скайпу обстановку. Разумеется, не руководству, а любя-

мой женщине. Кого допросил, кого обыскал. Как-то в разговоре с Геннадием Викторовичем упомянул, что уважает охоту. Тот тему подхватил, сам любил побаловаться. А на следующий день предложил место в машине, мол, напарник приболел, а пропускать не хотелось бы, когда еще выберется? «На лося пойдем!»

Пошли на лося, а нарвались на медведя под выворотнем. Вернее, медведицу. Это только в сказках медведи берлогу роют. А по жизни находят выворотень – корни упавшего дерева. Там и пристраиваются. Геннадий Федорович рядом с таким выворотнем на пенек присел, коньячком взбодриться. А снег только выпал, выворотень едва припорошил. В результате медведица запашок алкогольный и унюхала. А у нее детишки малые, неразумные, нельзя им такое нюхать. Ну и сказала все, что по этому поводу думала. Хорошо так, зычно. Коньячок из горла Геннадия Федоровича тут же обратно выскочил. Мамаша, естественно, словами не ограничилась, вылезать стала, чтоб за деток вступиться.

Бежал Геннадий Федорович так, как ни разу не бегал на обязательных зачетах по физо. И про одышку забыл, и про сердце больное, и про ломоту в костях. И про ружье. По-олимпийски, можно сказать, бежал. По-настоящему. От души! Чуть не сбив идущего навстречу Плетнева. Тот, услышав рык, догадался, что случилось страшное, и тоже припустил, успев на ходу пальнуть в медвежью сторону дуплетом. Разумеется, промазал, но, удивительное дело,

медведица осадила. Видимо, уже слышала в своей лесной жизни подобные звуки. Или про детишек вспомнила. В любом случае, охотникам несказанно повезло. Обычно в таких случаях шансов никаких. Геннадий Федорович чудесное спасение поставил в заслугу калининградскому гостю. Очень вовремя тот пальнул.

Лося в тот день они тоже не взяли. Потому что, вернувшись на засидку, по-кабаньи нажрались за спасение своих душ. Сегодня бывалый охотник ради создания душевной атмосферы даже покинул рабочее место и устроился напротив Плетнева, за столом для посетителей.

– До сих пор руки трясутся. Если бы не ты тогда... – Одышливый полковник опрокинул в рот водочную стопку с коньяком, закусил лимоном. Крякнул, представив себя в объятиях медведицы.

Пусть, пусть гость почувствует, что его за своего держат.

– Я после того на лося не хожу, – он утер мятым клетчатым платком обширную лысину, переливающуюся на солнце капельками пота, словно хрустальная люстра. – Теперь по мелочи – уточка, тетерев, глухарь. Да и то с засидки... На зайца по зиме могу. Может, старый стал?

Плетнев бросился разубеждать, доказывать, что Лузан еще о-го-го! И на медведя сдюжит, и на кабана.

– Да не, уходят мои годы, – с долей мужественного кокетства возразил Лузан и решил, что пора уже переходить к основной теме: – А ты?

– Пару раз на кабана ходил. Времени нет, – с наигранным равнодушием ответил Плетнев, отправляя в рот кусок лимона вместе со шкуркой. Втайне сожалея, что другой закуски столичный шеф не предусмотрел.

Антон Романович не стал распространяться, что причина столь редких вылазок вовсе не нехватка времени, а любимая жена. К лосихам и кабанихам уже ревнует! И самое обидное – совершенно безосновательно. Нет между Плетневым и лосихами абсолютно ничего. И тем более кабанихами.

– В Великозельске поохотишься, – мастерски подвел к главному Лузан и в очередной раз утерся платком, напоминаяшшим мокрую хозяйственную тряпку. – А охота там...

Лузан сложил губы куриной гузкой, поднес щепотку пальцев, изображая поцелуй, и, звонко чмокнув, щедро подлил в рюмки коньяк. Плетнев с тоской в глазах следил за движениями потенциального начальника. Пить совершенно не хотелось. Он у себя в Калининграде в этом виде спорта был небольшой мастер: боярыня Морозова и сама алкоголь не уважала, и подчиненных блюла, чтобы не спивались. Но и отказаться не решался. Вдруг Лузан увидит в этом признаки служебного несоответствия. В Москву же перевестись очень хотелось.

– Я с людьми договорился, свозят на охоту, примут по высшему разряду, – продолжал Геннадий Федорович, громко стукнув пустой стопкой по столешнице. – Леса там знатные. Зверья еще полно, не то что здесь. Охотников в лесу

больше, чем кабанов. Не зря же понимающие люди на вертолетах в глубинку охотиться летают.

Поглядел на разморенного Плетнева, втайне мечтавшего побыстрее получить документы и покинуть гостеприимный кабинет, многозначительно подмигнул:

– Да и люди там душевные, редкой щедрости. А русалок найдут – твое дело молодое. Ну давай еще за встречу...

Снова хлопнув по столу пустой стопкой, Лузан потянулся, достал с рабочего стола папку с документами, передал Плетневу:

– Вот командировочное, вот материалы ревизии. Проверь все на месте, вызови кого надо. Ну ты знаешь... Полномочия есть.

Лузан расстегнул мундир, понизил голос – Феликса Дзержинского, конечно, давно на площади снесли, но чуткие глаза и уши никто не отменял:

– Палку только не перегибай, с людьми поласковой...

Поглядел на Плетнева выразительно, но понял ли калининградский медведь какой ревизии от него ждут? Сообразил ли, за какие профессиональные качества в командировку отправляют?

– По итогам проверки желательно вынести «отказной»... – добавил Лузан так тихо, что Плетневу пришлось читать по губам.

Кого-то из своих пытается прикрыть – сквозь алкогольный дурман прорвалась к Плетневу мысль. Жучара. Ему, Лу-

зану, в результате благодарность будет в свободно конвертируемой, а Плетнева – сначала на охоту, а потом под танки? С доступными русалками в бане попарят? Какой обыватель не слышал об оборотнях в погонах? И Плетневу никак не улыбалось прославиться в этих волчьих рядах. Хотя хорошая охота, никто не спорит – дело классное. А все же Лузан – как есть жучара! Может, послать его деликатно, пока не поздно, да домой в Калининград махнуть? Но там дражайшая супружница Ирина... Из двух зол...

– Они отблагодарят, – односложно заверил Лузан, уловив сомнения коллеги.

– А если что-то серьезное? – Плетнев собрал в кулак остатки расползающегося сознания и строго взглянул в лицо Лузану.

Домой, в Калининград, абсолютно не хотелось. Да еще с пустыми руками. И без надежды на перевод. В Москву два раза не зовут!

Антон Романович, не торопясь, листал тонкую папку с материалами, изображая интерес. Тянул время. Ждал.

– Так и благодарность будет серьезной, – раздосадованный Лузан почти шептал. Кабинет, конечно, свой, но время такое – никто ни от чего не застрахован. – И не только охотой отблагодарят. Отблагодарят хорошо. Достойно.

«Понятно», – Плетнев кивнул. Значит, сильно накосячили в Великозельске.

– Ладно, разберемся...

Он рассовал по карманам пиджака командировочное удостоверение, папку с материалами проверки. Это означало полную и безоговорочную капитуляцию закона перед прелестями провинциального городишки.

– Ты звони. И я тебя иногда тревожить буду, – деловито предупредил довольный исходом переговоров Лузан. – Ну давай еще по одной. На посошок...

Он ловко подхватил бутылку коньяка, разлил остатки.

Плетнев свою дань богу Дионису уже отдал и замотал головой. Перед глазами все медленно плыло, а впереди еще серьезное дело. Алмазное. Но Лузан расценил отказ, как стеснительность провинциала.

– Ты пей, не бойся. В поезде выветрится. Мы тебе полностью купе выкупили. А мне, Антон, знаешь ли, как-то неспокойно в последнее время, – уж совсем доверительно промолвил он. – Предчувствия дурные...

* * *

Жанна прильнула к глазку входной двери. Она никого не ждала. Мало ли что?! Вдруг какие-нибудь бандиты или свидетели Иеговы?! Москва – город беспокойный. Врут ведь, что все полицейские силы брошены на обеспечение покоя мирных граждан. Наверняка не все.

В кружке глазка нечетко обозначился мужик, смутно знакомый. Приятель Золотова. Макс. Адвокат. Слава их как-то

знакомил. Между ними сразу вспыхнула неприязнь. Макс, видимо, приревновал ее к другу. Постоянно уколоть пытался. На знания проверял. Когда Октябрьская революция была? Да какая разница – когда?! Хоть в июле! Главное – показать хотел ее перед любовником в невыгодном свете. Только Славка не повелся. Ночная кукушка дневную всегда сделает. А Макс – кукушка дневная.

– Жанна, это я. Мне Славка срочно нужен, – умоляюще протянула дневная кукушка с той стороны двери.

Жанна мстительно улыбнулась – вот он момент, когда можно взять реванш. Впустить или не впустить. Сказать, что Славы нет, и пусть тащится откуда пришел. Воспитанные люди звонком о своем визите предупреждают, а не сваливаются на голову как голубиный помет.

Может, у людей в данный момент психологический интим.

– Жанна! Открой! Дело срочное! Где Слава? – не унимался адвокат. – Он трубку не берет!

Не хватало еще, чтобы соседи слышали. Опасения за репутацию перевесили неприязнь. Придется реванш отложить на время. Она накинула на пеньюар легкий халатик, оценила себя в зеркало – хороша. Пусть этот придурок своему другу завидует. Жанна не спеша повернула ключ, заботливо вставленный Золотовым, хотела медленно открыть дверь. Но дверь ее опередила – шарахнула по лбу, сбив со стройных ножек, освобождая дорогу безволосому мордовороту.

За ним следовал второй примерно таких же габаритов. Квартиросъемщица упорхнула в коридор, впечатавшись в стену и машинально схватившись за вдребезги расквашенный лоб. Первая мысль, разогнавшая звездочки, закружившиеся у нее в голове, была – а где же коварный адвокат?

– Ты че творишь, козел?! – на автомате вырвалось у ушибленной на голову девчушки.

«Из Псковской губернии мы... Собачку говорящую посмотреть...»

Но телохранитель цветовода Слепня с погонялом Акула на козла не отреагировал.

Некогда. Слепень велел срочно чиновника к нему на ковер доставить. А приказ босса – закон. Иначе долго в его команде не продержишься.

– Подержи шалаву! – Акулов толкнул Жанну своему компаньону.

Сам же принялся шарить по квартире в поисках объекта. Пусто. Вернулся в коридор, сунулся в ванную. И там никого. Спрашивать у девки был не вариант – та визжала, пытаясь вырваться из объятий Серого. Акула уже хотел было огорчиться, когда заметил на вешалке вещи Золотова. Брюки и рубашку.

Телохранитель выругался и свернул на кухню. Ногой высадил дверь на балкон, выскочил наружу. На балконе красноречиво покачивалось кресло-качалка.

Свесившись с балкона, Акула увидел, как к арке со всех

ног мчится в трусах и майке хитрый Золотов.

– Черт! За ним!

Акулов выскочил из квартиры, загрохотал по лестнице. Серый с матюгами бросился следом, грубо отшвырнув в сторону словно тряпичную куклу глубоко оскорбленную даму.

* * *

– Дорогая моя столица! Дорогая моя Москва! – напевал себе под нос Антон Романович Плетнев, развалившись на пассажирском сиденье ведомственной комитетской «той-оты».

В прохладном салоне Плетнева совсем развезло после инструктора у Лузана, поэтому песня дальше этих слов не шла. Буксовала.

Глядя за окно, на мелькающие новостройки бизнес-класса, торговые центры, запутанные дорожные развязки, он представлял, как обоснуется здесь и начнет новую жизнь. Ради этого он был готов давиться в метро, часами стоять в пробках в час пик, только бы не возвращаться домой. В Калининград.

Плетнев попросил водителя высадить его примерно за квартал до места назначения. Объяснил, что должен навестить друга, а тот уже доставит его на вокзал. Конспирация. Вежливо попрощался слегка заплетающимся языком и вышел. Убедившись, что комитетский транспорт удалил-

ся, направился вдаль по незнакомой улице. Старался не терять координации и отслеживать нумерацию домов. Требуемое место должно было быть где-то рядом. Накануне он несколько раз просматривал карту на компьютере, так что маршрут отпечатался в памяти настолько четко, что казалось, он мог пройти его с закрытыми глазами. Все-таки служба даром не прошла – кое-какие навыки можно было применить на практике. Так что не вполне трезвое состояние не помешало прибыть к месту встречи, а наоборот, помогло – в смысле подействовало как анестезия, нивелировав все страхи и беспокойство по поводу предстоящей операции. Да и что сложного? Встретиться с курьером – при нем выпороть из пиджака камушки, отдать и получить свой бонус за помощь.

Кафе «Алмаз» в глубине маленького скверика он узнал сразу – словно был здесь завсегдатаем. Он прогуглил его вдоль и поперек, изучил вид сзади, спереди и внутри, и даже на всякий случай запомнил ФИО директора и администратора. Взглянул на циферблат часов – до назначенной встречи оставалось чуть менее получаса.

Пересек сквер, стараясь придать твердость походке, – получалось не очень – и остановился у входа в кафе, собираясь с духом. Сделал глубокий вдох и шагнул вовнутрь. Приветливая администраторша как будто ждала именно его. Улыбнулась как хорошему знакомому.

– Вас ожидают?

– Да, у меня встреча. Столик у панно.

Перед внутренним взором всплыло изображение на этом самом панно – его Плетнев тоже изучил заранее. Добыча алмазной руды на руднике. Художник, вероятно, ностальгировал по временам глубокого социализма, что и отразил в своем произведении – чумазые лица шахтеров светились энтузиазмом.

– Это во втором зале. Проходите, пожалуйста, – администратор тоже излучала энтузиазм. Она приветливо взмахнула изящной ручкой, приглашая следовать за ней.

Народу в «Алмазе» оказалось немного. Пара девиц ковыряла вилками листья салата. Жевал без отрыва от планшета волосатый парень. Мрачного вида джигит поглощал баранину с таким серьезным видом, словно это была печень врага.

Лавируя между столами, Плетнев шаткой походкой двинул в уютную гавань у панно. Место для операции было выбрано идеально. Перегородки отделяли столик от остального зала, превращая его практически в отдельный кабинет. Еще несколько шагов – и он у цели. Но тут произошло непредвиденное, как и бывает с людьми непростой судьбы, поцелованными в темечко богиней невезения. То ли фарватер был слишком узким, то ли в заводи штормило. Парус Плетнева надуло ветром и бросило напрямиком на рифы. Точнее – на выставленный в проход локоток джигита.

Может быть, все и удалось бы уладить миром, если бы южанин не запивал в это время барашка красным вином.

На бежевой рубашке мигом расплылась кровавая клякса, словно след от пулевого отверстия.

– Слышь, чурбан! Очки протри! – грубо бросил джигит, поднимаясь.

– Чего? Ты кого чурбаном назвал? Да ты сам чурка!

Антон Романович забыл, что одет не в форму, да и находится не в родном Калининграде, где его каждая собака знает. Знает и лапу подает.

Ответ последовал незамедлительно. Вернее, предложение:

– Пойдем выйдем...

– Ну пойдем... Прямо напугал... – и не думал пасовать Плетнев. – Я таких орлов горных...

Этот урюк еще не знает, с кем дело имеет. Понаехали тут! Сейчас товарищ майор быстро ему организует билет на родину.

– Ну чего, смелый? Документы для начала предъяви... – приказал он, едва они оказались во дворе.

Ему казалось, что приказ звучит грозно, но для полного эффекта не хватало удостоверения. Ничего, сейчас достанем и обрадуем. Следственный комитет, пусть и калининградский, это тебе не добровольная народная дружина. Это мощь, сила вплоть до пожизненного.

Но случилось страшное. Вместо красной книжицы Антон Романович выудил смартфон. Сказался подлый алкоголь, пальцы утратили тактильные чувства.

– Документики пред...

Договорить не успел. Мощный хук в челюсть сбил несчастного с ног. Смартфон улетел на газон, а сознание в астрал. Звук удара собственного затылка о землю он уже не расслышал. Еще повезло, что рухнул он не на голый асфальт, а на травку, иначе продолжение истории не имело бы никакого смысла.

Но и этого хватило. Он больше не участвовал в событиях. Не чувствовал, как оппонент нагнулся, чтобы стянуть с него пиджак, не слышал истошного крика администраторши «Уби-и-и-ли!!!», не видел подбегающего вышибалу.

Снять пиджак джигит не успел, сорвался с места драки, аки сайгак от беркута. Администраторша первым делом полезла в карман к потерпевшему, но опытный вышибала одернул:

– Не трогай ничего! На тебя менты и повесят!

Видимо, он уже когда-то помог кому-то в подобной ситуации. За что и был наказан. Добро оно, вообще, наказуемо.

– Скорую вызови!

Когда карета скорой плавно, чтобы не растряссти ушибленного потерпевшего, следовала к городской больнице номер пять, за столиком под панно с шахтерами-энтузиастами два не очень серьезных человека серьезно нервничали. А как не нервничать? Ежели не принесут заказчику камушки, их в каверзе и заподозрят. И тогда из гонцов они превратятся в загнанных.

– Опаздывает, – сказал гонец с сермяжной фамилией Кадкин, кивнув на огромные часы над панно.

Гонец со страшной фамилии Лютов – обладатель выдающихся ушей, делающих его похожим на сказочного тролля, – тоже поднял голову. Чуть приплюснутый нос тролля был слегка свернут на сторону.

– Еще пять минут подождем.

– А если не придет?

– Что значит не придет? У него что, ног нет?

Лютову даже гипотетически трудно было представить, что их «кооператив» кто-то решится кинуть. Особенно после случая с тем придурком, что на Бали удрал с камнями. Да будет море ему прахом. Или пухом? Или миром?

Поэтому Лютый спокойно запивал креветки пивом и не волновался. Пусть волнуется рубль по поводу курса.

Когда справились с пивом, а креветки превратились в горку чешуи, у Кадкина началось обильное потоотделение. Он всегда потел в чрезвычайных обстоятельствах.

Где этот мусор анклавный? Ну опоздал на пять минут, ну на десять – имеешь право. В Москве точно не рассчитаешь, особенно если сам не местный. Но не на двадцать же? Никакого у провинциалов представления о хороших манерах!

Они посидели еще немного. В зал вошел морской офицер – Лютый довольно ухмыльнулся и энергично потряс подельника за рукав.

Кадкин обернулся, поглядел на офицера и покрутил пальцем у виска:

– Ты что, моряка от мента отличить не можешь? Пошли отсюда!

– Ты ему позвони. Спроси, где он, – предложил простодушный Лютый.

В их паре, несмотря на фамилию, он был ведомым.

Они вышли на улицу, Кадкин торопливо набрал номер. Из трубки доносились длинные гудки.

– Сволочь! Сюртук поганый! Не отвечает! Я говорил, говорил, что нельзя с мусорами связываться.

– Ничего. Найдем, – пообещал Лютый.

Олимпийское спокойствие напарника бесило Кадкина. Речь, в конце концов, не о том, что кто-то леща копченого от дядюшки из деревни не довез, сам схомячил. Речь о сумме с восьмью нулями, причем не рублей.

– Где ты его найдешь? Он со своими «корками» и с такими бабками на Луну свалит! Черт! Там же все было! Понимаешь – все! Вот козлиная погоня! Убью паскуду! Он, урод, подавится этими камнями! Я ими его могилу украшу!

– На могилу жалко, – прикинув, задумчиво протянул Лютый.

– Я фигурально выражаюсь, идиот! Поехали!

– А может, еще подождать? Креветки у них хорошие... И пиво...

Специалист по правовым вопросам районной администрации Вячеслав Андреевич Золотов полуголым зайцем петлял по уютным московским дворикам. Запутывал следы. Шлепанцы ежесекундно грозились свалиться, и беглый чиновник на бегу ловил их ногами.

Мысли метались вслед за беглецом. Эх, зря фитнес забросил – на Жанну променял. Вот бы сейчас спортивное мероприятие. Любое. Хоть марафон для пенсионеров, хоть эстафета для пионеров. Сошел бы даже бег на шпильках для блондинок. Затерялся бы как-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.